ИМПЕРАТРИЦА

ЕКАТЕРИНА II

ВЪ ИСТОРІИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

И

ОБРАЗОВАНІЯ.

А. С. АРХАНГЕЛЬСКАГО.

КАЗАНЬ.
Типо-литографія Императорскаго Университета.
1897.

Печатано по опредѣленію историко-филологическаго факультета при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ.

Деканъ Д. Бѣляевъ.

ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА II

ВЪ ИСТОРІИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ОБРАЗОВАНІЯ. (*)

Въ 48-мъ №-рѣ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ за 1764 годъ сообщалось между прочимъ слѣдующее извѣстіе: „Сего іюня 7 дня, по полудни въ 4 часу, благоизволила Ея Императорское Величество, съ нѣкоторыми знатнѣйшими двора своего особами, удостоить своимъ высокомонаршимъ посѣщеніемъ статскаго совѣтника и профессора господина Ломоносова въ его домѣ.., — чѣмъ подать благоволила новое высочайшее увѣреніе о истинномъ любленіи и попеченіи своемъ о наукахъ и художествахъ въ отечествѣ“ [1])... Современники къ этому добавляютъ, что ближайшимъ поводомъ къ посѣщенію была болѣзнь Ломоносова [2]). Это было дѣйствительно за нѣсколько мѣсяцевъ до его смерти...

Фактъ посѣщенія Императрицею великаго писателя не только ярко рисуетъ передъ нами царственное великодушіе Государыни,—но и самъ по себѣ является весьма знаменательнымъ. Это была встрѣча величайшихъ представителей двухъ періодовъ нашей литературы XVIII в.,—встрѣча двухъ эпохъ

(*) Читано въ торжественномъ собраніи Императорскаго Казанскаго университета, 24 ноября 1896 г.

литературы... Одна уже сходила со сцены, другая только что готовилась выступить.

Ломоносовъ стоитъ во главѣ нашей новой литературы; лишь съ него, приблизительно съ 30-хъ гг. XVIII в., начинается новый періодъ этой литературы, лишь его литературная и научная дѣятельность проводитъ рѣзкую и наглядную грань между старой, до-петровской, письменностью и нашей дальнѣйшей литературной исторіей,—давшей въ концѣ Пушкина... Петръ Великій сдѣлалъ возможнымъ провести эту грань, ускорилъ ея появленіе, но ему не суждено было видѣть плоды своихъ просвѣтительныхъ начинаній, не суждено было дождаться того—уже очень близкаго къ нему—времени, когда на Руси взошли первые ростки насаждавшейся имъ новой русской литературы...

Литература петровскаго времени, литература первой четверти XVIII вѣка—еще всецѣло литература XVII вѣка: тотъ же общій характеръ, то же содержаніе, даже тѣ же дѣятели.. Конечно, нельзя не видѣть въ ней и весьма существенныхъ особенностей, обусловливавшихся обстоятельствами реформъ; наше вниманіе особенно привлекаетъ величавый образъ самого преобразователя, его кипучая дѣятельность, столь рѣшительно сказывающая и на литературѣ,—послѣдняя отличается небывалымъ дотолѣ богатствомъ возбудительной энергіи... Для Россіи какъ будто только теперь, при Петрѣ, вводится книгопечатаніе,—покрайней мѣрѣ только теперь русское общество инстинктивно начинаетъ сознавать все значеніе этого великаго изобрѣтенія: за 25 лѣтъ печатается больше, чѣмъ въ два предшествовавшія столѣтія... Но вообще литература петровскаго времени самымъ тѣснымъ образомъ еще примыкаетъ къ старой московской письменности. При всѣхъ извѣстныхъ особенностяхъ, въ общемъ эта литература—еще продолженіе прежней, продолженіе литературы Московскаго Государства XVI—XVII вв., и вращается преимущественно въ сферѣ тѣхъ же церковныхъ интересовъ. Собственно литературы, литера-

туры поэтической, и теперь, въ строгомъ смыслѣ слова, нѣтъ, какъ не было ея и раньше, во всемъ древнемъ періодѣ нашей литературы,—за самыми ничтожными исключеніями...

Съ наступленіемъ дѣятельности Ломоносова, содержаніе русской литературы, весь ея характеръ, разомъ дѣлается совершенно другимъ... Впервые появляется поэзія,—можетъ быть, съ нашей точки зрѣнія, слишкомъ холодная, риторичная, но все же поэзія настоящая, въ обычномъ, общеевропейскомъ смыслѣ этого слова, поэзія, приводившая въ восторгъ современниковъ и непроходимой пропастью отдѣлявшаяся отъ всего того, чтó исполняло должность поэзіи у насъ въ XVII в. Славой Ломоносова, какъ поэта, былъ полонъ весь нашъ XVIII в. и вмѣстѣ съ Державинымъ имъ зачитывались, можно сказать, вплоть до самого Пушкина... Еще Мерзляковъ, одинъ изъ лучшихъ нашихъ критиковъ начала текущаго столѣтія, восхищался его стихами... Величайшей заслугой ломоносовскаго періода литературы, и въ частности—самого Ломоносова было созданіе литературнаго языка. Этого языка не имѣла еще ни петровская литература, ни тѣмъ болѣе до-петровская... Дѣлу Ломоносова въ области поэзіи существенно помогъ Сумароковъ. Вмѣстѣ съ лирической дѣятельностью „россійскаго Пиндара", драматическія произведенія „россійскаго господина Вольтера"—онъ же и „россійскій господинъ Расинъ"—чрезвычайно расширяли область поэтической литературы, являлись какъ нельзя болѣе кстати, самымъ могущественнымъ образомъ дополняя и подкрѣпляя дѣятельность „россійскаго Пиндара"... Если Ломоносовъ положилъ начало русской лирикѣ,—Сумароковъ далъ начало русской драмѣ. Подобно лирикѣ Ломоносова, и драматическія произведенія Сумарокова, при всемъ ихъ, въ поэтическомъ отношеніи, общемъ невысокомъ характерѣ, непроходимой пропастью отдѣляются отъ драматическихъ „дѣйствъ" петровскаго и до-петровскаго времени.

За главными представителями новой литературы быстро потянулся длинный рядъ другихъ, болѣе мелкихъ, незамѣтныхъ дѣятелей. Всякаго рода „опыты въ стихахъ и прозѣ“ разомъ стали появляться со всѣхъ сторонъ. Многочисленныя рубрики риторической ложноклассической піитики быстро заполняются произведеніями россійскихъ „творцовъ“... Русская поэзія, несуществовавшая, можно сказать, до того времени, вдругъ увидѣла себя обладающей „твореніями“ во всѣхъ родахъ поэзіи и прозы. „Создаются“ оды торжественныя, религіозныя, дидактическія, „сафиновы“, „анакреонтовы“, и просто—„вздорныя“, пишется цѣлый рядъ трагедій и комедій, дѣлаются попытки немедленно идти и по слѣдамъ Гомера, хотя настоящій „россійскій Гомеръ“ сравнительно нѣсколько запоздалъ своимъ появленіемъ,—и лишь только съ 1785 года русскіе могли гордиться, что только у нихъ, да еще у грековъ, по двѣ „эпическихъ поэмы“, у другихъ же народовъ лишь по одной,—появляется несмѣтное количество всякаго рода „надписей“, „описаній и изъясненій фейерверковъ“, „сатирическихъ“, и просто бранныхъ, посланій, „эпистолъ“, эпиграммъ,—пишутся басни, идилліи, „пѣсенки“, „сказки“, притчи, эклоги, стансы, анакреонтическіе стихи, „гимны“, „дитирамбы“, баллады, сонеты, мадригалы, сонеты „нарочно сочиненные дурнымъ складомъ“, повѣсти,—„восточныя“, „философскія“, „аллегорическія“,—„разговоры“, и т. д. и т. д. Каждый немножко лишь обучившійся грамотѣ немедлено приступаетъ къ созданію „твореній“... Мы видимъ лихорадочную погоню за европейскими литературными формами,—неодолимое стремленіе сразу овладѣть всѣмъ разнообразіемъ и богатствомъ „поэзіи“ и „прозы“...

Одновременно съ поэзіей,—является наука. Значеніе Ломоносова здѣсь было даже больше, могущественнѣе, чѣмъ въ области поэзіи. Ломоносовъ былъ дѣйствительно „нашимъ первымъ университетомъ“,—и въ общемъ

ходѣ русскаго образованія и общественнаго развитія занимаетъ мѣсто непосредственно рядомъ съ Петромъ Великимъ. Въ распространеніи наукъ, просвѣщенія, онъ полагалъ свою главнѣйшую заслугу,—не придавая большого значенія стихамъ, „бѣдному риѳмичеству"...

Какъ уже сейчасъ замѣчено, Ломоносовъ шелъ во главѣ, но онъ не былъ одинъ. Помимо другихъ дѣятелей литературы и науки, важнѣйшимъ культурнымъ фактомъ, стоявшимъ на рубежѣ старой литературы и новой—по своему осуществленію относившимся ко времени вслѣдъ за смертью Петра—было учрежденіе въ 1726 году въ Петербургѣ Академіи Наукъ. Можетъ быть, эта Академія, по своему составу и направленію дѣятельности, могла-бы быть выше того, чѣмъ она явилась на первыхъ порахъ, — но все же дѣятельность нашихъ первыхъ академиковъ-нѣмцевъ, и въ томъ размѣрѣ, въ какомъ мы ее видимъ, имѣла для страны безспорно огромное культурное значеніе. Академія уже въ самомъ началѣ являлась важнымъ научнымъ центромъ, знакомила страну съ европейской наукой,—хотя и не заботилась особенно о томъ, чтобы научить эту науку туземному языку и сдѣлать ее еще болѣе доступной и полезной для окружающаго населенія... Впрочемъ, довольно скоро обнаруживаются заботы и въ этомъ отношеніи. Ломоносовъ все же не совсѣмъ безполезно ратовалъ въ стѣнахъ Академіи за права „природныхъ русскихъ". Изъ ученыхъ академическихъ рефератовъ скоро начинаютъ дѣлаться извлеченія и на русскомъ языкѣ. Спустя нѣкоторое время, при Академіи Наукъ, отчасти по иниціативѣ Ломоносова, предпринимается изданіе перваго русскаго журнала—прибавимъ, одного изъ лучшихъ въ теченіе всего XVIII вѣка... Въ смыслѣ развитія литературы, ея формъ, а также расширенія самаго круга читателей, это было особенно важнымъ шагомъ впередъ.

Въ связи съ общимъ движеніемъ литературы продолжаетъ развиваться и литература переводная.

Къ 40—50 г. относятся переводы Горацiя (65—8 до Р. X.)[3]), Корнелiя Непота (I в. до Р. X.)[4]),—изъ греческихъ писателей Полибiя (II—III в. до Р. X.) [5]), Ксенофонта (V в. до Р. X.) [6]), болѣе позднихъ Эпиктета (II в. по Р. X.) [7]), Ксенофонта Ефесскаго (II—нач. III в. по Р. Хр.), [7а]) Евтропiя († 370) [8])—переводятся *Грацiана придворный человѣкъ* [8а]), Фонтенель (1657—1757) [8б]), Рамзей (Ramsay, 1686—1743), [8в]) Монтень (1533—1592)[8г]), Беллегардъ[8д])...

Одновременно начинаются, продолжающiеся и позднѣе, переводы французскихъ историковъ — Боссюэта 1627—1704) [9]), Верто (1655—1735) [10]), Кревiера (1693—1765) [11]). Господствующее мѣсто среди нихъ переводы Тредьяковскаго даютъ многотомнымъ сочиненiямъ Роллена (1661—1741) [12]).

Прiобрѣтенiе литературныхъ формъ, ознакомленiе русскихъ читателей съ различными видами и формами поэтическаго творчества, столь разнообразно развернувшагося къ этому времени на Западѣ,—составляетъ существенную черту начальнаго, ломоносовскаго, перiода нашей литературы XVIII в. О содержанiи, идеяхъ, еще не заботятся,—или эти идеи воспринимаются лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, какъ совершенно отвлеченныя истины, какъ чисто общiя понятiя, о практическомъ примѣненiи которыхъ почти никому не приходитъ и въ голову. Лишь Ломоносовъ въ своихъ запискахъ и трактатахъ дѣлаетъ попытку коснуться нѣкоторыхъ вопросовъ, относящихся до „пользы россiйскаго народа"... Вообще же оффицiальная, печатная, литература стоитъ всецѣло еще на степени риторическаго упражненiя,—„поетъ" и „бряцаетъ", является „мирнымъ упражненiемъ ума" и не обращаетъ никакого вниманiя на окружающее. Общей почвой литературныхъ идей служитъ французскiй ложно-классицизмъ,—и литература исключительно поглощена ознакомленiемъ съ хитрымъ механиз-

момъ ложноклассической піитики, установкой его, со всѣми подробностями, среди „полей россійской словесности"...

Дальнѣйшее развитіе литературы въ томъ же направленіи, дальнѣйшее обогащеніе и развитіе тѣхъ же формъ—продолжается въ значительной степени и въ слѣдующемъ, екатерининскомъ, періодѣ; но теперь, съ 60-хъ гг. XVIII в., и въ литературѣ и въ обществѣ замѣчается и нѣчто другое. Вліяніе западно-европейскаго ложно-классицизма смѣняется—конечно не вдругъ—вліяніемъ западно-европейской литературы „просвѣщенія"...

Съ воцареніемъ императрицы Екатерины II, въ нашей литературѣ начинается новое теченіе. Во главѣ литературы становится сама Императрица,—воспитанная на идеяхъ западно-европейской, преимущественно французской литературы XVIII в., всецѣло преданная этимъ идеямъ, во все время царствованія находившаяся въ оживленной перепискѣ, отчасти личномъ знакомствѣ, со многими важнѣйшими представителями этихъ идей... Усердное чтеніе обогатило умъ Екатерины самыми разносторонними свѣдѣніями и могущественно способствовало развитію ея духовныхъ дарованій. Чтеніе помогло ей выработать болѣе серьезный взглядъ на вещи, развить болѣе сознательное отношеніе къ дѣйствіямъ и поступкамъ, и своимъ и чужимъ,—еще до вступленія на престолъ... Для характеристики ея міровозрѣнія, ея идеаловъ и стремленій, всего того духовнаго строя, который сложился у ней къ 1762 году,—любопытнымъ матеріаломъ могутъ служить ея собственноручныя дошедшія до насъ *замѣтки 1759—1762 г.*, имѣющія, по отзыву историка, значеніе „политической исповѣди". Будущая Императрица мечтаетъ о реформахъ, вдумывается въ свое положеніе,—вездѣ, въ каждой строчкѣ, замѣтно серьезное отношеніе къ дѣлу, чувство отвѣтственности передъ государствомъ и народомъ, стремленіе принести въ будущемъ пользу Россіи... „Желаю и хочу—пишетъ будущая Императрица—только блага странѣ,

въ которую привелъ меня Господь. Слава ея дѣлаетъ меня славною. Вотъ мое правило"... „Я хочу, чтобы страна и подданные были богаты: вотъ начало, отъ котораго я отправляюсь"... „Свобода—душа всего на свѣтѣ! безъ тебя все мертво! Хочу повиновенія законамъ; не хочу рабовъ; хочу общей цѣли—сдѣлать счастливыми, но вовсе не своенравія, не чудачества, не жестокости, которыя не совмѣстны съ нею" (по мнѣнію историка, намекъ на необходимость отмѣны крѣпостнаго состоянія крестьянъ)... „Замѣтки" затрогиваютъ многочисленные вопросы администраціи, хозяйственной полиціи, финансоваго управленія,—сознаютъ тѣ затрудненія, съ которыми приходится бороться законодателю, необходимость дѣйствовать въ этой области крайне осторожно... „Хотите ли вы уваженія общества?—читаемъ между прочимъ въ „замѣткахъ"—пріобрѣтите довѣренность общества, основывая весь образъ вашихъ дѣйствій на правдѣ и общественномъ благѣ" [13])...

Новый періодъ русской литературы открывается знаменитымъ *Наказомъ коммиссіи о составленіи проекта новаго уложенія* (1767—1768), написаннымъ Императрицею,—который можетъ служить какъ-бы эпиграфомъ ко всему послѣдующему теченію нашей литературы XVIII вѣка... Императрица нáстежъ распахнула двери передъ западно-европейскими идеями „просвѣтительной" философіи, и эти идеи широкимъ потокомъ хлынули къ намъ съ первыхъ же дней ея царствованія.

Значеніе послѣдняго въ исторіи русскаго литературнаго и общественнаго развитія главн. образ. сводится къ значенію—въ общей исторіи этого развитія—западно-европейской просвѣтительной литературы XVIII вѣка.

Переводная литература — свѣтская, беллетристическая, литература научнаго и общеобразовательнаго содержанія, наконецъ, спеціально-техническая—занимаетъ у насъ, какъ извѣстно, господствующее мѣсто въ царствованіе Петра В. Какъ выше замѣчено, она продолжаетъ развиваться и послѣ, при ближайшихъ преемникахъ Петра, въ 40—50 гг. XVIII ст.

Съ наступленіемъ царствованія императрицы Екатерины II, она дѣлается особенно подавляющей и разнообразной.

Переводятся сочиненія важнѣйшихъ современныхъ писателей—французскихъ, англійскихъ, нѣмецкихъ, отчасти датскихъ и др. Переводы главн. образ. дѣлаются съ французскаго, наиболѣе извѣстнаго, или нѣмецкаго, но иногда также съ англійскаго. Передъ нами цѣлая библіотека; трудно перечислить всѣхъ авторовъ, съ которыми теперь знакомится русскій читатель... На первомъ планѣ—переводы сочиненій писателей литературы „просвѣщенія". Переводится разомъ чуть не весь Вольтеръ (1694—1778)[14]. Нѣсколько раньше или одновременно съ этимъ дѣлаются извѣстными въ переводѣ нѣкоторыя изъ сочиненій Фенелона (1651—1715)[14a], Мопертюи (1698—1759)[14б], Д'Аламбера (1717—1783)[15], Гельвеція (1715—1771)[16], Кондильяка (1715—1780)[17]. Очень рано появляются переводы важнѣйшихъ сочиненій Ж. Ж. Руссо (1712—1778)[18], Монтескьё (1689—1755)[19], Бомарше (1732—1799)[20]. Весьма значительной популярностью пользуются сочиненія Мармонтеля (1728—1799)[21], Мерсье (1740—1814)[22]; изъ французскихъ историковъ—Милотъ (1726—1785)[23]. Предпринимается переводъ Бюффона (1707—1758)[24].

Изъ сочиненій англійскихъ мыслителей уже въ 1760 г. переводится знаменитое сочиненіе Локка (1632—1704): *О воспитаніи дѣтей* (2 ч., М., 1760; втор. изд. М., 1788). Еще раньше дѣлается извѣстнымъ *Опытъ о человѣкѣ* Попа (1688—1744), пользовавшійся у насъ особой популярностью; рано дѣлаются извѣстными и нѣкоторыя другія сочиненія „Попія"[25]. Въ 60—70-хъ гг. видимъ переводы Юма (1724—1808)[26], Свифта (1667—1745)[27], Фильдинга (1707—1754)[28], Аддиссона (1672—1719)[29], въ 80-хъ гг.—Гольдсмита (1728—1774)[30], Смоллета (1721—1771)[31], Стерна (1713—1768)[32], нѣсколько позднѣе—Ричардсона (1689—1761)[33], Макферсона-Оссіана (1758—1796)[34]. Значительную популярность въ 80-хъ гг. полу-

чаетъ Эдуардъ Юнгъ (1681—1765) [35]. Изъ политическихъ писателей переводится Блакстонъ (1723—1780) [36], сочиненія котораго высоко цѣнились Императрицей.

Изъ нѣмецкихъ писателей XVIII в. довольно рано пріобрѣтаютъ популярность сочиненія Фридриха II (1713—1786) [37], Рабенера (1714—1771) [38], Геллерта (1715—1769) [39], нѣсколько позднѣе—сочиненія Галлера (1708—1777) [40], Гесснера (1730—1787) [41], Виланда (1733—1813) [42]. Переводятся—*Мессія* Клопштока (1724—1809) [43], *Страсти молодаго Вертера* Гете (1749—1832) [44a], его же *Клавиго* [45].... Очень рано значительную популярность пріобрѣтаютъ сочиненія датскаго поэта Гольберга (1684—1754) [46].

Особенно развиваются переводные романъ и повѣсть. Уже въ концѣ ломоносовскаго періода начинаютъ появляться переводы романовъ и повѣстей Лесажа (Alain Lesage, 1668—1747) [47], аббата Прево (L' Abbé Prevost d' Exiles, 1697—1763) [48]; позднѣе, вмѣстѣ съ переводами сочиненій этихъ писателей и цѣлымъ рядомъ повѣстей и романовъ Вольтера,—идутъ романы и повѣсти Мармонтеля (1728—1799) [21], Скаррона (1610—1660) [50], Туссена (Taussaint, 1715—1772) [51], Д'Аржанса (J. B. Marquis d' Argens, 1704—1771) [52], Луве де-Кувре (Louvet de Couvray, (1760—1797) [53], Флоріана (1755—1794) [53a]. Съ 70-хъ гг. особенно популярнымъ дѣлается Арно (d' Arnaud, 1721—1784) [54]. Изъ нѣмецкихъ беллетристическихъ писательницъ быстрый успѣхъ пріобрѣтаетъ у насъ въ 60-хъ гг. г-жа Гомецъ (Gomez, 1684—1770) [55].

Значительные размѣры принимаетъ также переводная драма. Какъ и раньше, при Аннѣ Ивановнѣ (1731—1740) и въ царствованіе Елизаветы Петровны (1741—1761), нашъ театръ главн. образ. держится переводами,—пьесами итальянскихъ композиторовъ Метастазіо († 1782) [56], Бонекки (Bonecchi) [57]. Изъ французскихъ комиковъ больше всего переводится Мольеръ (1622—1673) [58]. Встрѣчаются переводы комедій

Сенъ-Фуа (G. F. Saint-Foix, 1698—1776) [59]. Съ 60-хъ гг. начинаются переводы Дидро (1713—1784) [60], Лессинга (1729—1781) [61], Реньяра (Regnard, 1655—1709) [62]; въ 1770 г. па сцену ставится въ Москвѣ *Евгенія* Бомарше (1732—1799) [63]. Съ 80-хъ гг. особенную популярность пріобрѣтаетъ Мерсье (Louis Sebastian Mercier, 1740—1814) [22]. Въ одно и то же время усердно переводится Расинъ (1639—1699)[65] и дѣлаются первыя обращенія къ Шекспиру (1564—1616)[66], Шиллеру (1759—1805)[67], Гете[45]. Вмѣстѣ съ тѣмъ, встрѣчаются отдѣльные переводы Фальберъ Фалбриджа (Fenouillot de Falbaire, 1727—1800)[69], Барта (1734—1785) [70], Данкура (Dancourt, 1661—1725) [71], Буасси (1694—1758) [72].

Одновременно съ этимъ, русская литература обогащается переводами писателей греческихъ и латинскихъ, древнѣйшихъ и болѣе позднихъ. Переводятся сочиненія Плутарха (50—120 по Р. X.) [73], Гомера [74], Демосѳена (385—322 до Р. X.) [75], Платона (429—348 до Р. X.) [76], Аристотеля (385—322) [77], Ѳеофраста (IV—III в. до Р. X.) [78], Исократа (IV в. до Р. X.) [79], Анакреона (560—475) [80], Сафо (VI—VII до Р. X.) [81],— изъ латинскихъ: Саллюстія (85—35 до Р. X.) [82], Виргилія (70—19 до Р. X.) [83], Светонія (I в. по Р. X.) [84], Цицерона (106—47 до Р. X.) [85], Тацита (I в. по Р. X.) [86], Федра (I в. по Р. X.) [87], Аѳинагора (II в. по Р. X.) [88], Валерія Максима (нач. II в. по Р. X.) [89], Іосифа Флавія (I в. по Р. X.) [90], Апулея (II в. по Р. X.) [91], Авла Геллія (II в. по Р. X.) [92], Боэція († 525) [93]. Особенной популярностью пользуется Овидій (43—17 по Р. X.) [94].

Изъ средневѣковыхъ классиковъ переводятся Петрарка (1304—1374) [95], Сервантесъ (1547—1616) [96], Тассо (1544—1595) [97], Аріосто (1474—1533) [98]. Не игнорируются и писатели Востока: въ 80-хъ гг. появляется переводная книга *Сы-ту-чей, т. е. четыре книги съ толкованіями философа Конфуція* [99]...

Область духовной литературы обогащается переводами сочиненій блаж. Августина (354—430) [100]), Амвросія Медіоланскаго († 397) [101]), Ансельма Кентерберійскаго (1033—1109) [102]), Ѳомы Кемпійскаго (1380—1471) [103]); переводятся сочиненія позднѣйшаго католическаго богослова Беллармина (1542—1621) [104]) и др. под.

Переиздаются сочиненія Пуффендорфа (1632—1694) [105]), Гуго Гроція (1583—1645) [106]). Переводятся сочиненія Барклая (Barclay, 1582—1621) [107]), Бэкона Веруламскаго (1551—1626)[108]), Юсти [109]), нѣсколько позднѣе — Гоббза (1585—1679) [110]), Томаса Мора (1450—1535) [111]), Парацельса (1493—1541) [112]), Эразма Роттердамскаго (1467—1536) [113])...

Что́ же дала намъ эта литература,—и вообще царствованіе Императрицы Екатерины II въ области образованія и литературы?..

Припомнимъ важнѣйшіе факты литературы и общественности второй половины нашего XVIII вѣка.

На первомъ планѣ—непримиримыя противорѣчія, — самая пестрая смѣсь европейскаго съ азіатскимъ... Уже давно, уже съ половины XVII в., въ Московскомъ Государствѣ обнаружилось рѣзкое столкновеніе стараго съ новымъ, старыхъ идей, понятій, формъ жизни— съ новыми, приходившими съ Запада... Позднѣе, при Петрѣ, всякаго рода „новшества" нахлынули на Русь въ еще бо́льшей степени,—реформы до основанія потрясаютъ всю русскую жизнь, весь русскій народъ, въ его верхнихъ слояхъ... Русское общество не могло разомъ отвѣтить на всѣ требованія, предъявленныя реформою; общество не могло не представить собою страшной смѣси самыхъ разнородныхъ элементовъ,— полнаго хаоса переходной эпохи. Идеи, внесенныя реформою, начала западной науки, образованія, плохо прививаются среди исконно господствовавшихъ теченій и стремленій, — или воспринимаются самымъ страннымъ образомъ... Непримиримыми крайностями начинается нашъ XVIII в.;

ихъ вызываетъ самая личность геніальнаго преобразователя, который, по взгляду однихъ,—„богъ Россіи", по взгляду другихъ—антихристъ... Крайности, противорѣчія на каждомъ шагу и дальше; при наплывѣ западныхъ идей въ царствованіе Екатерины II, они особенно бросаются въ глаза.. На площади публично жгутъ отступника отъ христіанской вѣры,— и почти въ то же время, въ тайной канцеляріи, православный архіепископъ подвергается истязаніямъ за то, что вступился за книгу, которая нѣсколько непріятна нѣмцамъ-лютеранамъ [114])... По напечатанному въ Петербургѣ, въ 1744 году, придворному церемоніалу, 68-мъ §-мъ между прочимъ предусматривается такой деликатный случай: „При пріемѣ иностранныхъ пословъ, когда—за узостію дверей—послу вмѣстѣ съ другими знатными персонами пройтить не можно будетъ,—то посолъ сзади" [115])...; и въ то-же время, въ лицѣ „бѣднаго и беззаступнаго" Тредьяковскаго самому жестокому издѣвательству подвергается достоинство не только литератора, ученаго, поэта, но и вообще человѣка.,—а нѣсколько позднѣе, за кулисами, въ застѣнкѣ, судебнымъ слѣдователемъ выступаетъ Шешковскій, знаменитый Шешковскій, который, по современному свидѣтельству, свои разговоры съ попадавшими въ его руки тѣми же „знатными персонами" начиналъ съ того, что—„хватитъ палкою подъ самый подбородокъ, такъ что зубы затрещатъ, а иногда и повыскакаютъ" [116])... На русскій языкъ переводится вся западно-европейская литература—и старая и новая—между тѣмъ въ странѣ почти нѣтъ ни школъ, ни училищъ; въ ряду чиновниковъ, даже высшихъ, встрѣчаются такіе, которые, какъ Тутолминъ, „худо знаютъ грамотѣ"; изъ двухъ университетовъ, одинъ не имѣетъ ни профессоровъ, ни студентовъ, другой нѣсколько счастливѣе, но вообще тоже не процвѣтаетъ... Въ 1782 г. во всемъ академическомъ (петербургскомъ) университетѣ—лишь 2 студента; въ слѣдующемъ 1783 г.—ихъ тоже только 2 [117])... Въ 1765 году въ московскомъ университетѣ на всемъ юридическомъ факультетѣ—лишь 1 студентъ; въ 1768 году—лишь 1 студентъ на

всемъ медицинскомъ факультетѣ. Когда, въ 1767 году, въ Коммиссію сочиненія проэкта новаго уложенія изъ москов. университета взято было 18 студентовъ, университетская конференція заявила, что университетъ опустѣлъ, что на всѣхъ четырехъ курсахъ юридическаго факультета — всего 4 студента, и было опредѣлено перевести на этотъ факультетъ 5 студентовъ философскаго факультета [118]... Въ первые годы московскаго университета (въ 1758 г.) въ немъ— до 100 студентовъ; черезъ 30 лѣтъ (въ 1787 году) въ немъ—82 [119])... Численность студентовъ вообще крайне неустойчива и случайна, и оставленіе университета до окончанія курса—обыкновенное явленіе. Въ 1770 г. изъ московскаго университета уходятъ 300 студентовъ, не окончивъ курса,—оканчиваютъ только 2... [120]) По свидѣтельству Грибовскаго, въ его время въ высшемъ петербургскомъ обществѣ лишь двое знали безупречно русское правописаніе—Потемкинъ и Безбородко, и т. д. При такой подготовкѣ страны, понятно, что на первыхъ порахъ должны были давать переводившіеся Вольтеры, Дидероты, Даламберы, Руссо... Изъ Вольтера главн. образ. было извѣстно, что онъ не вѣритъ въ Бога, а изъ трактатовъ Руссо,—что истинное образованіе, это—бросить всякія науки, что науки только портятъ нравы,—именно то, что и говорили еще Кантемировскіе Сильваны, Луки, Медоры,—въ чемъ были убѣждены всѣ Простаковы, почему онѣ такъ и болѣли душой, когда разные Цыфиркины заставляли ихъ Митрофанушковъ „повторять зады"...

Въ литературѣ на первомъ планѣ продолжается прежнее усвоеніе литературныхъ формъ, чередующееся съ рабскимъ подражаніемъ... По прежнему мы продолжаемъ обогащаться во всѣхъ родахъ поэзіи и прозы,—выступаютъ цѣлые ряды новыхъ, еще болѣе многочисленныхъ, „творцовъ", для которыхъ подарить своихъ соотечественниковъ тѣмъ или другимъ, болѣе или менѣе „безсмертнымъ", „твореніемъ" ровно ничего

не стоитъ,—да это и дѣйствительно стоило не дорого: нужно было лишь слегка подучиться французскому языку да нѣсколько осмотрѣться въ литературахъ сосѣдей...

Подобно тому, какъ и въ литературѣ, въ обществѣ доходитъ до крайностей рабское увлеченіе парадоксами „просвѣщенія"... На первомъ планѣ картины—цѣлая толпа „петиметровъ", „вертопрашекъ", цѣлый рядъ „вольтерьянцевъ", „фармазоновъ", и все это чаще всего самыя злыя каррикатуры на западныхъ собратьевъ... „Боже тебя сохрани", заявляетъ напр. образованная молодая дама: „Боже тебя сохрани, чтобы голова твоя была наполнена чѣмъ инымъ, кромѣ любезныхъ романовъ... Кинь, душа моя, всѣ науки,—ты не повѣришь, какъ такія книги просвѣщаютъ"... Припомнимъ классическій разговоръ молодого человѣка, только что вернувшагося изъ Парижа, съ своимъ отцомъ, бригадиромъ: „Скажите, батюшка, не всѣ ли животныя—анимо́—одинаковы?".. — Это къ чему? Конечно, всѣ: отъ человѣка до скота... Да что за вздоръ ты мнѣ молоть хочешь?.—„Послушайте: ежели всѣ животныя одинаковы, то вить и я могу тутъ же включить себя?"..—Для чего нѣтъ? Я сказалъ: отъ человѣка до скота...—„Очень хорошо! А когда щенокъ не обязанъ респектовать того пса, который былъ ево отцомъ, то долженъ ли я вамъ хотя малѣйшимъ респектомъ"?... Просвѣтительныя идеи чаще всего, въ рукахъ большинства, преломлялись въ самыя уродливыя формы... Припомнимъ разсказы Фонвизина о кружкахъ тогдашней молодежи, проводившихъ цѣлые вечера лишь въ томъ, что кощунничали... „Подобно ночнымъ мотылькамъ, которые ничего не видятъ при дневномъ свѣтѣ, непривычные къ размышленію умы слѣпо бросались на яркіе парадоксы тогдашнихъ ésprits forts, и на нихъ сжигали послѣдніе остатки здраваго смысла" [121])...

Таковъ общій фонъ обстановки, который прежде всего бросается въ глаза...

Эта каррикатурность просвѣщенія была естественной и законной,—была неизбѣжной. Она обуслов-

ливалась совершенно естественными причинами, — общимъ историческимъ закономъ развитія народовъ и качествомъ самыхъ идей. Каррикатурность была неизбѣжнымъ результатомъ встрѣчи двухъ народовъ,—изъ которыхъ одинъ на 200—300 лѣтъ былъ старше другого... Помимо того, самыя идеи были таковы, что въ русской дѣйствительности XVIII вѣка, на первыхъ порахъ, могли отражаться лишь каррикатурой. Эти идеи были идеями другой страны, выводами другихъ, чужихъ фактовъ, — онѣ были совсѣмъ необычны русскому человѣку и совсѣмъ не укладывались въ рамки русской дѣйствительности. Съ новыми идеями русскій человѣкъ былъ какъ въ темномъ лѣсу... Тамъ, на Западѣ, шла горячая, сознательная борьба, одни взгляды и понятія сталкивались и опровергались другими, — для русскаго человѣка половины XVIII в. все это былъ „пиръ на праздникѣ чужомъ"... Всяческія идеи приходилось повторять лишь по слуху, съ чужого голоса,—т. е. впадать въ каррикатуру [122]).

Надо къ этому прибавить, что каррикатурнаго не мало было и въ самомъ перво-источникѣ. Просвѣтительная философія и на Западѣ нерѣдко размѣнивалась на софистику,—и тамъ такія книги, какъ *О духѣ* Гельвеція, иногда выдерживали по 50-ти изданій,—и тамъ изъ философскихъ трактатовъ Руссо иногда, въ нѣкоторыхъ уголкахъ, выводились самыя диковинныя вещи... Припомните ожесточенное возстаніе женевскаго населенія противъ Руссо,—послѣ того, какъ его книга *Эмиль* была сожжена въ Парижѣ, и самъ онъ былъ изгнанъ: населеніе утверждало, что въ сожженной книгѣ авторъ доказываетъ самую зловредную и несправедливую доктрину, будто у женщины нѣтъ души, что душа лишь у одного мужчины [123])... Правда, это была толпа, съ которой патеры могли дѣлать, что имъ было угодно; но можно привести и другіе примѣры. Вспомнимъ эту „смѣшную растрепанность чувствъ и ухарство", покончившее со всякими законами поэзіи, подъ конецъ Sturm-und-Drang-Pe-

riod'а въ Германіи, эти уродливыя явленія галломаніи въ XVII в. въ Англіи, нѣсколько позже въ Даніи... Припомнимъ, наконецъ, западное масонство[124]). Уже очень рано, на самой родинѣ своей, въ Англіи, оно принимаетъ весьма странныя, чтобы не сказать болѣе, формы,—превращается въ какое-то шутовство... По своей основѣ, это было одно изъ наиболѣе привлекательныхъ явленій новой общественности; какъ и трактаты Руссо, это былъ протестъ противъ крайностей французскаго и англійскаго матеріализма,—порывъ западнаго просвѣщеннаго человѣка быть и остаться человѣкомъ, а не превращаться въ животное, какъ это ему рекомендовали Толанды, Гольбахи и др.; на своемъ знамени масоны начертываютъ идеи нравственнаго самосовершенствованія, идеи равенства,—всѣ люди должны быть лишь „братьями", и т. д. Но это лишь знамя... На практикѣ масонство очень рано ударяется въ еще бóльшія ненормальности, чѣмъ это случилось даже съ Руссо. Послѣдній пришелъ къ заключенію, что просвѣщеніе—„лишь нравовъ развращенье"; масоны съ первыхъ же моментовъ своего возникновенія напрягаютъ всѣ силы ума, во первыхъ, на то, чтобы изобрѣсти „жизненный элексиръ", т. е. составить такое снадобье, при которомъ можно было-бы жить нѣсколько сотъ лѣтъ, во вторыхъ—на то, чтобы найти такъ наз. „философскій камень", искусство химически дѣлать золото; другими словами, забывши о протестѣ матеріализму, добиваются какъ будто того, чтобы найти возможность не только жить очень долго, но еще при этомъ и никогда не нуждаться въ деньгахъ... Мало того; лежащее въ основѣ здоровое зерно сразу облекается въ такую непроницаемую броню всевозможныхъ формулъ, ритуаловъ,—все это начинаетъ играть столь господствующую роль, что отъ первоначальной идеи уже ничего не оставалось... Припомните эти безконечные уставы и „системы" разныхъ видовъ масонства,—тампліерство, розенкрейцерство, мартинизмъ, цоннендорство, иллюминатство и т. д. и т. д.; припомните эти обряды, напр., посвященія въ

масонскаго мастера,—эти гроба, скелеты, мертвыя головы, безконечныя клятвы, кровавыя простыни, и т. д. и т. д. [125]). И все это признается необыкновенно важнымъ, все это не отдѣлимо отъ какихъ-то „таинствъ"... Самыхъ простыхъ вещей, напр. собраться на дружескую пирушку, масоны не могутъ сдѣлать просто,—въ масонскихъ „ложахъ" и это принимаетъ видъ какого-то „таинства" [126])...

Русскій человѣкъ XVIII вѣка былъ слишкомъ безпомощнымъ передъ тѣмъ бурнымъ и мутнымъ потокомъ, который такъ неудержимо хлынулъ на него, трудно было сразу справиться,—и вотъ каждый хватается, за что̀ можетъ, что̀ ближе попадаетъ подъ руку, многіе здѣсь же гибнутъ, не находя точекъ опоры... Въ рускомъ полуграмотномъ обществѣ вдругъ появляются люди даровитые, начитанные, полные самыхъ благихъ цѣлей и стремленій, желающіе принести благо своему отечеству,—и при всемъ этомъ, чувствующіе себя совершенно лишними для этого отечества, даже болѣе,—чувствующіе ненужность для этого отечества и вообще наукъ, знаній... Припомните образованнаго ярославскаго помѣщика Опочинина, застрѣлившагося въ 1793 г.,—его любопытное *завѣщаніе*, писанное имъ въ самыя послѣднія минуты жизни. Оно чрезвычайно характерно... „Смерть—читаемъ мы здѣсь—есть не иное что, какъ прехожденіе изъ бытія въ совершенное уничтоженіе... Послѣ смерти нѣтъ ничего!.. Я никакой причины не имѣлъ пресѣчь свое существованіе. Будущее, по моему положенію, представляло мнѣ своевольное и пріятное существованіе. Но сіе будущее миновало бы скоропостижно. А на послѣдокъ самое отвращеніе къ нашей русской жизни есть то самое побужденіе, принудившее меня рѣшить самовольно мою судьбу"... Сдѣлавши далѣе распоряженія касательно оставляемыхъ крестьянъ,—нѣкоторыхъ отпустивши на волю, другимъ отказавши „весь хлѣбъ, находящійся въ амбарѣ",—въ самый послѣдній моментъ несчастный вспоминаетъ о томъ, что̀ было ему дороже всего въ жизни,

и изъ-за чего теперь онъ погибалъ,—о своихъ книгахъ... „Книги!.. Мои любезныя книги!... Не знаю, кому оставить ихъ. Я увѣренъ, что въ здѣшней сторонѣ онѣ никому не надобны... Прошу покорно моихъ наслѣдниковъ предать ихъ огню... Онѣ были первое мое сокровище; онѣ только и питали меня въ моей жизни; онѣ были главнымъ пунктомъ моего удовольствія. Напослѣдокъ, если бы не онѣ, моя жизнь была бы въ безпрерывномъ огорченіи, и я бы давно оставилъ съ презрѣніемъ сей свѣтъ"... Послѣдняя мысль обращается къ Богу,—въ завѣщаніи читаемъ: „Вотъ я какой спокойный духъ имѣю, что я нѣкоторые стихи сочинилъ съ французскаго діалекта при своемъ послѣднемъ концѣ:

О Боже! Котораго мы не знаемъ!
О Боже! Котораго всѣ твари возвѣщаютъ!
Услыши послѣднія вѣщанія, кои уста мои произносятъ...

(слѣдуетъ сполна переводъ одного стихотворенія Вольтера). Безъ всякаго смущенія взираю я на смерть, предстоящую передъ моими очами" [127])...—Мы видимъ, наши „лишніе люди" 40-хъ гг. имѣютъ за собой очень длинную генеалогію...

„Россійской народъ гибокъ!" восклицаетъ Ломоносовъ въ одномъ изъ своихъ „Разсужденій"... Русскій народъ дѣйствительно разобрался среди обрушившагося на него идейнаго хаоса,—и разобраться ему помогла отчасти та же западно-европейская литература XVIII вѣка...

На однихъ рабскихъ, ребяческихъ подражаніяхъ не остановились—ни наша литература, ни наше общество...

Въ сферѣ народнаго образованія, при всѣхъ увлеченіяхъ и уклоненіяхъ въ сторону, въ царствованіе императрицы Екатерины II сдѣланъ былъ первый твердый и рѣшительный—наиболѣе ручавшійся за успѣхъ дѣла—шагъ впередъ. Разумѣемъ открытіе народныхъ училищъ.

Реформы Екатерины здѣсь были завершеніемъ дѣла Петра Великаго и его ближайшихъ преемниковъ.

Заботы Петра Великаго о народномъ образованіи начинаются немедленно по возращеніи его изъ заграничнаго путешествія (1697—98). Грамотами Петра 1699—1701 гг., комплектъ воспитанниковъ Кіевской академіи значительно расширяется, и изъ „коллегіума“ она преобразовывается въ „академію“. Назначивши, послѣ смерти патр. Адріана († 1700), Стефана Яворскаго мѣстоблюстителемъ патріаршаго престола, Петръ Великій дѣлаетъ его одновременно протекторомъ Московской академіи (въ 1701), и поручаетъ ему—„завесть въ академіи ученія латинскія“, т. е. преобразовать ее по образцу кіевской [128]). Одновременно съ этимъ, съ первыхъ годовъ XVIII ст., въ разныхъ епархіяхъ заводятся низшія духовныя школы—епархіальныя или архіерейскія. Такія школы возникаютъ въ Ростовѣ (1702), Тобольскѣ (1703—1704), Новгородѣ (1706), Казани (1707), Смоленскѣ (1714—1715) и нѣкр. др. [129]). Школы возникаютъ въ тѣхъ или другихъ городахъ случайно,—открываются главн. образ. архіереями-малороссами, которые съ этой цѣлью и вызываются Петромъ на архіерейскія мѣста; Петръ не безъ основанія ожидалъ отъ нихъ въ дѣлѣ распространенія просвѣщенія бо́льшей ревности, чѣмъ отъ великорусскихъ архіереевъ. Въ 1714 г. выходитъ указъ объ учрежденіи по разнымъ городамъ, въ подмогу архіерейскимъ или епархіальнымъ школамъ, школъ цыфирныхъ („цыфирными“ онѣ были названы потому, что въ нихъ главн. образ. рекомендовалось преподаваніе „цыфири и нѣкоторой части геометріи“). Школы должны были заводиться при архіерейскихъ домахъ и при монастыряхъ. *Духовнымъ Регламентомъ* (1721) дѣлается обязательнымъ для епархіальныхъ начальствъ заведеніе въ каждой епархіи школъ архіерейскихъ или епархіальныхъ, и разспоряженіе это разомъ вызываетъ цѣлый рядъ новыхъ школъ, будущихъ семинарій,—въ Петербургѣ (двѣ, въ томъ числѣ Александро-Невская), Нижнемъ-Новгородѣ, Казани, Суздалѣ, Коломнѣ, Вяткѣ, Холмогорахъ. Въ 1722—1723 г. возникаетъ Бѣлгородская школа,—будущій харьковскій коллегіумъ.

(съ 1726 г.). Въ 1724 г. видимъ школы въ Вологдѣ, Рязани, Иркутскѣ [130]).—Рядомъ съ епархіальными духовными школами правительствомъ устроиваются школы спеціальныя. Въ 1700 г. въ Москвѣ учреждается математическая школа, назначеніе которой состояло въ обученіи военному искусству и мореплаванію (училище называлось—„школа математическихъ и навигацкихъ хитростно искусствъ ученія"); позднѣе обученіе мореплаванію выдѣляется въ вѣдѣніе особой школы, навигацкой,—въ которой уже въ 1703 г. находится до 200 „всякихъ чиновъ людей" [131])... Въ 1703—1706 гг. въ Москвѣ, на Покровкѣ, мы видимъ школу, заведенную однимъ плѣннымъ шведскимъ пасторомъ, съ необыкновенно широкой программой: въ школѣ должны были преподаваться языки латинскій, французскій, итальянскій, шведскій, еврейскій (основатель былъ оріенталистъ), греческій,—стилистика, ореографія, счетоводство, исторія, геометрія, географія, астрономія, музыка, грамматика, риторика, логика, физика, политика, наконецъ, „пристойное обхожденіе и страхъ Господень". Школа почему-то скоро исчезла, но все же дала нѣсколькихъ, сдѣлавшихся извѣстными потомъ, образованныхъ людей,—въ ней обучались Исаакъ и Ѳедоръ Веселовскіе, Лаврентій Блюментростъ, Иванъ Грамотинъ и др. [132]). Для обученія инженерному искуству въ началѣ 1712 г. Петръ основываетъ въ Москвѣ инженерную школу, на 100 или 150 человѣкъ. При возникшемъ въ Москвѣ первомъ у насъ военномъ госпиталѣ,—ок. 1712 г. учреждается особая хирургическая школа... Въ 1715 г. учреждается морская академія, въ 1721 году—артиллерійская школа [133]). Кромѣ того, при Петрѣ въ Россіи возникаютъ двѣ горныя школы—въ Олонцѣ и на Уралѣ; послѣдняя возникла въ періодъ управленія уральскими горными заводами В. Н. Татищевымъ. Позднѣе, при Аннѣ Іоанновнѣ, назначенный вторично на Уралъ, Татищевъ пытался расширить преподаваніе въ Екатеринбургской школѣ, но встрѣтилъ затрудненіе въ невозможности достать учителей [134])...—Въ началѣ 1724 г.

Петръ разсматриваетъ проэктъ учрежденія Академіи Наукъ. Петру В. не пришлось самому открыть эту Академію,—она была открыта черезъ два года послѣ его смерти († 28 янв. 1725 г.), въ декабрѣ 1726 г. Проэктъ Академіи показываетъ, какъ широко смотрѣлъ великій преобразователь на задачи и цѣли просвѣщенія своего народа. По мысли основателя, Академія Наукъ должна была быть не только собственно академіей наукъ, но также университетомъ и гимназіей,—вообще какъ-бы небольшимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія. Академики, помимо „совершенства (совершенствованія) художествъ и наукъ", должны были „пещись о ихъ дальнѣйшемъ распространеніи и развитіи",—при университетѣ должны были быть публичныя лекціи о художествахъ и наукахъ, — гимназія должна была давать „первыя основанія наукъ", и приготовлять не только слушателей для университета, но и учителей для будущихъ училищъ... Академикамъ-иностранцамъ ставилось прямою обязанностью, — чтобы они „приготовляли одного или двухъ молодыхъ людей, которые могли бы со временемъ заступать ихъ мѣста" [135])... Нѣсколько ранѣе основанія Академіи Наукъ, еще при жизни Петра, возникаютъ два учрежденія, впослѣдствіи тѣсно связанныя съ Академіей,—Библіотека и Кунсткамера. Основанная при Петрѣ Библіотека явилась у насъ первой публичной библіотекой, и уже въ 1719 г. была столь обширной, что переносится изъ лѣтняго дворца въ особое зданіе, на берегу Невы. Въ 1722 году отдѣльное зданіе строится и для Кунсткамеры [136])...

„Школьное обученіе распространялось довольно поспѣшно, но не смотря на всѣ побужденія, какія шли сверху къ епархіальнымъ начальствамъ, непремѣнно и какъ можно скорѣе заводить школы по всѣмъ епархіямъ,—оно все таки не успѣло сдѣлаться при Петрѣ повсемѣстнымъ, да и тамъ, гдѣ уже было заведено, бо́льшею частью не успѣло утвердиться на прочномъ основаніи и подвержено было въ своемъ сущест-

вованіи разнымъ случайностямъ. Современники приписывали замедленіе въ открытіи школъ при нѣкоторыхъ архіерейскихъ каѳедрахъ, помимо отвращенія отъ ученія со стороны низшаго духовенства,—и самимъ архіереямъ. „Отъ оплошки архіерейскія тако чинится", замѣчаетъ Посошковъ. Дѣйствительно, нѣкоторые изъ великорусскихъ архіереевъ показали большое нерасположеніе къ кіевскимъ нововведеніямъ, къ числу которыхъ относили и учрежденіе школъ, принимались за это дѣло неохотно, тянули его, а послѣ смерти грознаго царя—„вмѣняя себѣ въ добродѣтель все прежде небывалое въ Россіи истреблять безъ остатку"—немедленно распускали собранныхъ учениковъ по домамъ, а школы закрывали... Но главной причиной неуспѣха была даже и не одна „архіерейская оплошка"... Существенная, основная причина неуспѣха непрочности заведенныхъ Петромъ школъ заключалась въ крайней скудости какъ матеріальныхъ такъ и духовныхъ средствъ по епархіямъ. За исключеніемъ весьма немногихъ, богатыхъ, большинство архіерейскихъ домовъ никакъ не могло покрыть тѣхъ расходовъ, какіе сопряжены были съ заведеніемъ и содержаніемъ школы. Хлѣбный сборъ съ церковныхъ и монастырскихъ земель, положенный Регламентомъ въ самую основу школьной экономіи, кромѣ того, что требовалъ для своей организаціи времени, самъ по себѣ былъ источникомъ непостояннымъ, вполнѣ завися отъ степени мѣстнаго урожая хлѣбовъ въ тотъ или другой годъ, и кромѣ того сопровождался большими затрудненіями при его доставкѣ въ школу, особенно изъ отдаленныхъ отъ нея приходовъ и монастырей тогдашнихъ огромныхъ епархій... Въ 1727 году Верховный Тайный Совѣтъ потребовалъ отъ Синода свѣдѣній: „При всѣхъ ли епархіяхъ школы и ученики, по силѣ Д. Регламента, содержатся? Сколько въ которой епархіи тѣхъ учениковъ сначала было и нынѣ обрѣтается, и до какихъ наукъ произошли, и въ какое достоинство куда произведены? А буде затѣмъ въ которой епархіи таковыхъ школъ и уче-

никовъ не содержится, о томъ объявить именно“... Въ отвѣтъ на этотъ запросъ св. Синодъ, на основаніи донесеній изъ епархій, составилъ подробную вѣдомость о всѣхъ школахъ своего вѣдомства, представляющую чрезвычайно любопытныя данныя относительно того состоянія, въ какомъ находились архіерейскія епархіальныя школы послѣ смерти Петра. Изъ этой вѣдомости оказывается, что въ нѣкоторыхъ епархіяхъ школъ вовсе не было открыто,—„за скудостью епархіи“, „за неимуществомъ монастырей“...; въ другихъ епархіяхъ, гдѣ уже были заведены школы, епархіальныя начальства принуждены бывали вдругъ переводить всѣхъ учениковъ съ своего содержанія на ихъ собственное, за случайнымъ оскудѣніемъ хлѣба, вслѣдствіе неурожая, какъ напр. случилось въ тверской епархіи, даже вовсе распускали ихъ по домамъ. Изъ Казани напр. писали, что, по распоряженію архіерея, весною 1723 года, „за недостаточествомъ студентамъ пищи и одежды, отпущено дѣтей въ домы свои до указу—9“... Не менѣе матеріальной скудости развитію духовныхъ школъ мѣшала скудость въ средствахъ духовныхъ. Какъ только въ епархіяхъ приступили къ практическому осуществленію плановъ Д. Регламента, такъ прежде всего возникъ вопросъ о томъ, откуда взять нужное число способныхъ учителей новыхъ латинскихъ ученій. Московскую академію еще кое-какъ удалось наполнить ими изъ Кіева. Но удовлетворить такому огромному спросу на нихъ, какой единовременно и почти неожиданно явился на нихъ въ разныхъ концахъ Россіи, одинъ Кіевъ удовлетворить оказывался не въ состояніи, а еще взять ихъ было нéоткуда. Со временемъ московск. академія должна была оказать въ этомъ случаѣ большую подмогу для кіевской, но ждать этого было долго. Сами кіевляне не совсѣмъ охотно отправлялись въ великорусскія епархіи, зная, что ихъ тамъ не особенно жалуютъ въ народѣ и духовенствѣ, и что единственной поддержи тамъ можно ждать отъ одного развѣ архіерея, если впрочемъ онъ тоже изъ малороссовъ.. Не охотно отпускали ихъ туда и ихъ соб-

ственныя кіевскія начальства, академическое и епархіальное, сами имѣя до нихъ не малую нужду. На требованія изъ Москвы прислать въ академію такихъ-то и такихъ-то ученыхъ монаховъ—изъ Кіева неоднократно отвѣчали просьбами, нельзя ли оставить ихъ при кіевской академіи или кафедрѣ, которыя тоже крайне въ нихъ нуждаются... Въ самомъ Регламентѣ говорилось о недостаткахъ въ ученыхъ людяхъ. Вслѣдствіе этой крайней недостаточности учителей, „въ большинствѣ школъ видимъ все учителей изъ мѣстнаго духовенства, изрѣдка изъ іеромонаховъ и іеродіаконовъ архіерейскаго дома, а большею частью изъ мѣстныхъ дьяконовъ, дьячковъ, пономарей, поповскихъ дѣтей, непристроившихся къ мѣсту, архіерейскихъ пѣвчихъ. Съ помощью такихъ людей обученіе, разумѣется, не могло далеко уйти и курсы архіерейскихъ школъ должны были постоянно держаться на уровнѣ почти одного элементарнаго обученія“ [187])...

Эта характеристика петровскихъ духовныхъ школъ отчасти можетъ быть приложена и къ школамъ, заведеннымъ имъ, свѣтскимъ...

Въ 1731 г. возникаетъ Сухопутный кадетскій корпусъ,—для образованія будущихъ офицеровъ. „До этого времени офицеры не получали никакого правильнаго образованія, и научались своему дѣлу практически. Учрежденіе для нихъ спеціальнаго училища было, конечно, мѣрой вообще чрезвычайно важной; но сама по себѣ организація корпуса оставляла желать весьма и весьма многаго“. Училище, учрежденное спеціально для образованія офицеровъ, на первыхъ же порахъ своего возникновенія получаетъ характеръ заведенія общеобразовательнаго, съ программой чрезвычайно широкой и неопредѣленной. Кромѣ собственно „наукъ“, преподавали и „художества“,—живопись, гравированіе, ваяніе, дѣланіе статуй, и т. п. Помимо всего другого, кадеты нерѣдко отвлекались отъ своихъ учебныхъ занятій театральными репетиціями, участіемъ въ придворныхъ спектакляхъ и т. д. „Многопредметность была такова, что ученики одолѣть ее не

могли, и потому освобождались отъ изученія многихъ наукъ, даже самыхъ необходимыхъ". Обязательными для всѣхъ кадетовъ были только три предмета: законъ Божій, ариѳметика и военныя упражненія... Почти каждый ученикъ учился здѣсь чему хотѣлъ... Но вообще это заведеніе принесло, конечно, свою пользу, и было однимъ изъ самыхъ многолюдныхъ по числу учениковъ [138]).

Въ 1733 г. открываются гарнизонныя школы при полкахъ, —для солдатскихъ дѣтей; школы учреждены были въ Петербургѣ, Кронштадтѣ, Ригѣ, Ревелѣ, Нарвѣ, Выборгѣ, Кексгольмѣ, Москвѣ, Казани, Смоленскѣ, Астрахани, Воронежѣ, Бѣлгородѣ и нѣкот. др. мм. Въ 1744 г. съ „горнизонными" школами были соединены учрежденныя Петромъ В. „цыфирныя" школы [139]).

Въ 1755 году основывается Московскій университетъ и при немъ гимназія,—вторая въ Имперіи; спустя три года, въ 1758 г., основывается третья гимназія—Казанская... Чрезвычайно многолюдной была гимназія при Моск. университетѣ: въ 1760 г. въ ней лишь 100 учениковъ, въ 1787 г.—уже болѣе 1000! [140])... Въ 1779 г. при университетѣ учреждается Вольный благородный пансіонъ.

Первая, ранѣе другихъ возникшая въ Имперіи, гимназія академическая въ Петербургѣ находилась въ незавидномъ положеніи. Академическая гимназія существовала почти только на бумагѣ, и черезъ 70 лѣтъ послѣ ея открытія въ ней было всего 70 учениковъ, да и это были бо́льшею частью солдатскія дѣти, которыхъ отправляли сюда силой, по наряду; позднѣе стали принимать семинаристовъ [141])... По временамъ изъ тѣхъ же семинаристовъ главн. образомъ набирали студентовъ и въ академическій университетъ,—хотя вообще университетъ при Академіи Наукъ въ полномъ смыслѣ существовалъ лишь по имени: обыкновенно въ немъ не было ни профессоровъ, ни студентовъ... „При Академіи Наукъ, писалъ Ломоносовъ, не только настоящаго университета не бывало, но еще ни образа, ни подобія универ-

ситетскаго не видно"... Въ самые богатые годы число студентовъ не превышало 20; но обыкновенно ихъ было гораздо меньше. Черезъ 40 лѣтъ по основаніи университета въ немъ было студентовъ столько же, сколько и при началѣ—9-ть человѣкъ!... [142])

Въ незавидномъ положеніи находилась и третья, позднѣе другихъ открытая гимназія.

Курсъ образованія въ Казанской гимназіи, по программѣ, былъ очень широкій. Въ гимназіи преподавались и латинскій и греческій языки, съ 1769 г. желающихъ стали обучать и татарскому языку, преподавалась фортификація и т. д. Но общее положеніе и преподаванія и самихъ учениковъ было весьма незавидное. Преподаваніе было собственно казовое... Въ 1767 году, при посѣщеніи гимназіи гр. В. Г. Орловымъ, ученики говорятъ ему привѣтственныя рѣчи на нѣмецкомъ, французскомъ, русскомъ и латинскомъ языкахъ,— и въ то же время успѣхи учащихся посѣтитель находитъ „очень несовершенными", а всю вообще гимназію—„въ очень дурномъ состояніи"... Извѣстенъ отзывъ о преподаваніи въ гимназіи и одного изъ бывшихъ учениковъ ея, Державина: „Насъ учили тогда вѣрѣ безъ катехизиса, языкамъ безъ грамматики, числамъ и измѣренію безъ доказательствъ, музыкѣ безъ нотъ. Книгъ, кромѣ духовныхъ, почти никакихъ не читали"... Количествомъ учениковъ гимназія не могла похвалиться. При открытіи гимназіи въ 1759 г. въ нее поступило 14 учениковъ (въ ихъ числѣ Державинъ); къ концу года число учениковъ увеличилось до 110. Больше всего учениковъ было въ 1773 году—125 человѣкъ; послѣ число ихъ опять понизилось. Въ 1789 г., въ моментъ закрытія гимназіи, въ ней было 52 ученика. Большинство учениковъ состояло изъ солдатскихъ дѣтей, и были крайне необезпечены; „многіе гимназисты были такъ бѣдны, что ходили полуприкрытые ветхимъ рубищемъ и питались милостынею"... Гимназія была закрыта по представленію Коммиссіи училищъ,—которая въ 1789 г. пришла къ заключенію, что гимназія въ Казани „не нужна",

что „ученики ея могутъ съ бóльшей пользой продолжать свое ученіе въ мѣстномъ главномъ народномъ училищѣ"., что „научный уровень этой гимназіи не выше курса главнаго народнаго училища, открытаго въ Казани,—даже, по ея мнѣнію, онъ ниже, ибо, если кромѣ общихъ для обоихъ учебныхъ заведеній предметовъ въ гимназіи преподаются языки французскій и нѣмецкій, то за то въ главномъ народномъ училищѣ введены науки, не положенныя въ гимназіи, именно: физика, естественная исторія, механика и архитектура,—что татарскій языкъ можно преподавать и въ народномъ училищѣ, что фортификаціи учится въ гимназіи только одинъ ученикъ, что хотя въ гимназіи обучаютъ музыкѣ, но и безъ нея легко можно обойтись"... „Въ этомъ постановленіи Коммиссіи, замѣчаетъ историкъ, нельзя не замѣтить крайняго пристрастія къ ея собственнымъ, излюбленнымъ народнымъ училищамъ, и при этомъ не пожалѣть о прискорбномъ закрытіи полезнаго учебнаго заведенія въ такое время, когда въ Россіи было всего три гимназіи. Нѣтъ сомнѣнія, что Казанская гимназія была въ неудовлетворительномъ состояніи. Слѣдовало его улучшить, а не понижать уровень образованія превращеніемъ второстепеннаго учебнаго заведенія въ третьестепенное, нужно было сдѣлать шагъ впередъ, а не шагъ назадъ"[143])...

Въ 1759 г. императрицею Елизаветою учреждается Пажескій корпусъ; впослѣдствіи въ 1785 г., Екатерина II поручила гр. Завадовскому разсмотрѣть планъ ученья въ этомъ корпусѣ и составить новый, и одобрила послѣдній, прибавивъ къ нему латинскій и греческій языки[144]).

Со вступленіемъ на престолъ императрицы Екатерины II, рядъ новыхъ учебныхъ заведеній продолжаетъ увеличиваться...

Ранѣе другихъ открывается первое женское учебное заведеніе,—Общество благородныхъ дѣвицъ при воскресенскомъ монастырѣ, называемомъ Смольнымъ въ Петербургѣ (названіе произошло отъ находившейся въ этой мѣстности, въ началѣ XVIII в., деревни Смольная, гдѣ былъ дехтярный заводъ, отъ котораго деревня и

получила названіе); учебное заведеніе было открыто 28 іюня 1764 года. Училище учреждалось исключительно для дѣтей дворянъ; число воспитанницъ опредѣлялось 200-ми. Воспитанницы раздѣлялись на 4 разряда, или класса, по возрасту, съ 6 до 18 лѣтъ, и жили въ самомъ заведеніи. Родители, включая дочь, обязывались не брать ее изъ училища до окончанія ею курса. „Вообще задачей училища поставлено было возможное удаленіе дѣтей отъ ихъ родителей, для избѣжанія дурныхъ примѣровъ"... Предметы обученія были элементарные,—хотя къ нимъ для чего-то присоединялась въ одномъ изъ старшихъ классовъ „часть архитектуры и геральдики"... Ариѳметикѣ, напр., воспитанницы обучались только „для содержанія впредь въ добромъ порядкѣ домашней экономіи"... Господствующее мѣсто въ преподаваніи занимали иностранные языки,—русскій языкъ не только отступалъ на задній планъ, но иногда „дѣлался для воспитанницъ совершенно чужимъ". Общій тонъ заведенія былъ вообще аристократическій. Дѣвицъ пріучали прежде всего къ свѣтскости, къ хорошимъ манерамъ,—съ этой цѣлью въ училищѣ постоянно устраивались концерты, театральныя представленія и т. п. Императрица даже обращалась къ Вольтеру и Дидро съ просьбами написать для дѣвицъ Смольнаго сценическую піесу; оба обѣщались написать, но ни тотъ ни другой не написалъ. Лучшей стороной воспитанія здѣсь было то, что ученицы старшаго послѣдняго класса, по очереди, каждый день по двѣ, практически занимались съ ученицами низшихъ классовъ,— „дабы отъ сей практики навыкнуть заблаговременно, какъ имъ, будучи матерями, обучать дѣтей своихъ"... Въ 1783 году, курсъ ученія въ Смольномъ былъ значительно расширенъ: по приказанію Императрицы, въ училищѣ введенъ былъ так. наз. „нормальный образъ ученія", т. е. примѣнительно къ плану, выработанному Коммиссіей для городскихъ училищъ; между прочимъ введено было преподаваніе всѣхъ предметовъ на русскомъ языкѣ, неспособныя учительницы замѣнены были болѣе или менѣе опытными учителями, строго опредѣленъ былъ

учебный планъ преподаванія, и т. д.—Вслѣдъ за открытіемъ училища для дворянскихъ дочерей, въ началѣ 1765 г. здѣсь же было учреждено особое училище, так. наз. мѣщанское отдѣленіе, на 240 ученицъ для воспитанія дочерей чиновниковъ, купцовъ, мѣщанъ. Курсъ обученія былъ нѣсколько уже.

Смольное училище, какъ извѣстно, было устроено по образцу французскаго института въ Сенъ-Сиръ, и одно время Императрица очень желала, чтобы Смольный вполнѣ походилъ на Сенъ-Сиръ... Въ дѣйствительности два эти учебныхъ заведенія своимъ характеромъ очень мало походили одно на другое. „Сравнивая Сенъ-Сиръ съ Смольнымъ, говоритъ историкъ, найдемъ въ нихъ только то сходство, что оба учебныя заведенія составляли интернатъ для дочерей потомственныхъ дворянъ, что въ оба принимались дѣвочки малолѣтнія, раздѣлены были на четыре возраста, каждый возрастъ имѣлъ платья особаго цвѣта... Напротивъ того, курсъ ихъ ученья, и въ особенности направленіе этихъ училищъ, были не только различны, но даже противоположны: какъ ни недостаточенъ планъ ученья въ Смольномъ, онъ былъ гораздо обширнѣе Сенъ-Сирскаго; духъ одного учебнаго заведенія былъ совершенно монашескій, а другого—исключительно и слишкомъ свѣтскій. Оба грѣшили крайностями: одно—ультра монашескимъ характеромъ, другое—излишнею свѣтскостью. Сенъ-Сиръ приготовлялъ изъ дворянскихъ дочерей монахинь..., Смольный—свѣтскихъ дѣвицъ изъ бѣдныхъ дворянокъ...; изъ одного поступали въ монастырь, изъ другого брали ко Двору“ [145])...

Горная школа въ Екатеринбургѣ, заведенная нѣкогда Татищевымъ, постепенно упадала,—между тѣмъ, горнозаводское дѣло на Уралѣ быстро развивалось; къ 70-мъ гг. XVIII ст. однихъ частныхъ металлическихъ завододъ было ок. 170, кромѣ казенныхъ завововъ... Потребность въ хорошо устроенной горной школѣ была насущная, и въ 1774 г. было открыто Горное училище, и сразу—на самыхъ широкихъ началахъ. Въ училище могли поступать только студенты университета, знающіе между прочимъ языки нѣмецкій, французскій

и латинскій (комплектъ ихъ опредѣлялся 54-мя), курсъ ученья назначался 4-хлѣтній, преподавателями явились отчасти иностранные ученые (нѣкоторые предметы поэтому въ началѣ читались по нѣмецки), отчасти академики; при училищѣ основана была собственная типографія, возникло даже особое ученое общество,—хотя вскорѣ почему-то прекратившее свое существованіе, однако все же успѣвшее издать нѣсколько томовъ *Горнаго Словаря*; окончившіе курсъ студенты иногда посылались для дальнѣйшаго усовершенствованія въ горномъ дѣлѣ въ Германію, и т. д. Спустя два года по основаніи училища, при немъ была учреждена особая спеціальная школа, низшіе классы съ гимназическимъ курсомъ,—изъ которыхъ и переходили потомъ въ самое училище, и пріемъ студентовъ прекратился. Учрежденіе этого училища, по замѣчанію историка, составило эпоху въ развитіи горнаго производства въ Россіи [146]).

По примѣру возникшей еще при Петрѣ при моск. военномъ госпиталѣ хирургической школы, медицинскія школы возникали у насъ при госпиталяхъ; въ 1787 году онѣ отдѣляются отъ госпиталей и дѣлаются самостоятельными учебными заведеніями, съ болѣе теоретическимъ преподаваніемъ, подъ названіемъ медико-хирургическихъ училищъ [147]).

Но все это были, какъ и раньше, отдѣльныя „попытки", какъ видимъ, не всегда приводившія къ цѣли...

7 сентября 1782 года императрицей Екатериной учреждается Коммиссія о народныхъ училищахъ, подъ предсѣдательствомъ гр. Завадовскаго (1739—1812).

Императрица Екатерина II долго не приступала къ реформамъ по низшему народному образованію, и сознавая всю сложность этого дѣла,—шутя обусловливала ихъ осуществленіе долготою для себя „дней Маѳусала"... Тѣмъ не менѣе заботы объ этомъ она обнаруживаетъ уже рано. *Учрежденіе о губерніяхъ* (1775) требуетъ, чтобы „Приказы общественнаго призрѣнія", кромѣ завѣдыванія благотворительными заведеніями, имѣли „попеченіе и надзираніе о установленіи

и прочномъ основаніи народныхъ школъ". Школы должны были быть учреждены не только по городамъ, но и въ селахъ,—„для всѣхъ тѣхъ, кои добровольно пожелаютъ обучаться въ оныхъ, въ чемъ однако же не чинить никому принужденія, но отдавать на волю родителей—отдавать дѣтей въ школу или оставлять ихъ дома"... При этомъ даже предписывалось—по отношенію ко „всякой школѣ"—„имѣть смотрѣніе, дабы горницы были чисты и всякій день выметены, и воздухъ въ нихъ перемѣнялся открытіемъ оконъ лѣтомъ во весь день, а зимою всякій день на короткое время, дабы дѣти отъ духоты въ горницахъ не претерпѣли въ здоровьѣ своемъ поврежденіе" [147а])... Предписанія эти однако остались „мертвой буквою",—у губернскихъ приказовъ не было въ распоряженіи ни денегъ, ни учителей, ни учебныхъ руководствъ, ни самыхъ помѣщеній для школъ... „Едва ли, замѣчаетъ историкъ, и сама Императрица смотрѣла серьезно на этотъ бюрократическій отрывокъ многосложнаго законодательства о губерніяхъ, вошедшій въ него какъ бы мимоходомъ, для вида и приличія" [147б])...

Интересъ къ вопросу особенно усилился у Императрицы, когда она приступила къ воспитанію внука, вел. кн. Александра, и сама принялась за составленіе разныхъ учебныхъ пособій. Въ 1775—1780 гг. вопросъ о правильной постановкѣ учебнаго дѣла въ Россіи начинаетъ занимать все бо̀льшее мѣсто въ разнообразной перепискѣ Императрицы съ Гриммомъ, Дидро и др.; Императрица проситъ ихъ высказаться по этому вопросу, набросать общій планъ учебной системы и т. п. „Вы были-бы очень милые люди, господа философы, шутя пишетъ она Гримму въ 1775 году, если бы соблаговолили начертать планъ ученія для молодыхъ людей, начиная съ азбуки и до университета включительно"... Извѣстно, что вопросъ о „планѣ" былъ рѣшенъ свиданіемъ Императрицы въ Могилевѣ, въ маѣ 1780 года, съ императоромъ австрійскимъ Іосифомъ,—когда она съ рѣшительностью склонилась къ типу австрійскихъ Normalschulen [147в])...

Результатомъ дѣятельности Коммиссіи было возникновеніе черезъ нѣсколько лѣтъ цѣлой сѣти „нижнихъ“, „среднихъ“ и „вышнихъ“ („главныхъ“) народныхъ училищъ. Училища, учреждавшіяся Коммиссіею, назывались „народными“, такъ какъ учреждались для массы народа,—доступъ въ нихъ былъ открытъ „для всего народа“, безъ различія званія и происхожденія [148])... „Напрасно ищете сѣмянъ, когда земля, на которую сѣять, не приготовлена“, говорилъ Татищевъ Блюментросту... „Захотѣли сдѣлать то въ нѣсколько лѣтъ, на что́ потребно вѣка, замѣчалъ Болтинъ; начали строить зданіе нашего просвѣщенія на пескѣ, не сдѣлавъ прежде надежнаго ему основанія“ [149])... Указъ 7-го сентября 1782 года былъ прямымъ отвѣтомъ на этотъ справедливый укоръ... Только съ учрежденіемъ сѣти народныхъ училищъ начинается фактическая исторія нашего просвѣщенія, и кончаются „одни къ тому попытки“... Съ указомъ 7-го сентября 1782 года непосредственно связанъ послѣдовавшій черезъ четыре года *Уставъ народнымъ училищамъ* (утвержд. 5 авг. 1786 г.),—принадлежащій, по справедливому замѣчанію историка, къ числу „замѣчательнѣйшихъ законодательныхъ актовъ царствованія Екатерины: имъ положены основы всеобщаго народнаго образованія“...

Помимо переводовъ и составленія руководствъ и учебниковъ,—первымъ дѣйствіемъ Коммиссіи объ учрежденіи народныхъ училищъ было основаніе Учительской семинаріи или гимназіи (въ 1783—1786 гг.) и открытіе нѣсколькихъ училищъ въ Петербургѣ и петербургской губерніи еще до выработки самаго устава. Наплывъ учениковъ до того былъ значительный, что въ нѣкоторыхъ школахъ они не могли вмѣститься... Еще раньше въ 1781 г., императрицею, на собственный счетъ было открыто училище Исаакіевское; кромѣ того, тогда же были открыты въ Петербургѣ еще 6 училищъ [1]). Съ началомъ дѣйствія новаго плана, они были преобразованы... Въ 1786 г. „уставъ народнымъ училищамъ“ былъ утвержденъ Императри-

цей, и въ этомъ же году послѣдовало повелѣніе объ учрежденіи „главныхъ училищъ" въ 25 губерніяхъ. Число школъ и училищъ съ каждымъ годомъ быстро увеличивается: въ 1787 году ихъ было уже *165*-ть, въ 1788—*218*-ть, въ 1789—*225*, въ 1790—*269*, въ 1791—*288*, въ 1792—*302*, въ 1793—*311*, въ 1796—*316* (только въ 1794—95 гг. число школъ почему-то уменьшается: въ 1794—*302*, въ 1795—*307*)... Эти цыфры особенно оттѣняются ходомъ дѣлъ въ послѣдующіе три года: въ 1797 году число школъ сразу понизилось до *285*, продолжая нѣсколько понижаться и въ слѣдующіе два года (въ 1798—*284*, въ 1799 году—*281*), сразу поднявшись опять въ 1800 году (*315* школъ)... Сообразно съ увеличеніемъ школъ, развивается и численность учащихся: въ 1782 г. въ самыхъ первыхъ народныхъ школахъ учится 474 мальчика и 44 дѣвочки; черезъ три года (въ 1785 г.) число учащихся мальчиковъ увеличилось до 1282, дѣвочекъ—болѣе 200; въ слѣдующемъ году учащихся—уже 4400 чел., въ 1787 году—болѣе 11 тысячъ, черезъ десять лѣтъ, въ 1796 г.—болѣе 17 тысячъ (приводимъ круглыя цыфры)... Въ 1800 г. учится уже 19915 человѣкъ [150])...

Переходимъ къ литературѣ.

Для самостоятельности развитія всегда особенно важно возникновеніе критическаго отношенія къ своему образцу.. Зачатки этого мы встрѣчаемъ уже очень рано и въ нашей литературѣ и въ обществѣ. Очень рано подражательность въ литературѣ не только замѣчается, но и осуждается... Уже Ломоносовъ, вводя къ намъ ложноклассическую оду,—неизмѣримо выше „бѣднаго риѳмичества" ставитъ науку, знаніе. Сумароковъ, упрочивая тотъ-же ложноклассицизмъ въ драмѣ,—самъ сочиняя и оды,—пишетъ цѣлый рядъ „вздорныхъ" одъ, пародій на нихъ... Цѣлый рядъ пародій появляется у насъ въ XVIII в. въ области ложноклассическаго эпоса... Еще серьезнѣе обнаруживается протестъ въ области драмы. Уже современникъ Сумарокова, Лукинъ, недоволенъ господствующимъ типомъ ложноклас-

сической комедіи; Сумароковскія комедіи кажутся ему—„изъ чужихъ писателей неудачно взятыми и на нашъ языкъ почти силою втащенными“... Отъ театра Лукинъ требуетъ изображенія „русскихъ нравовъ“,—внесенія въ драму національнаго элемента. „Надлежитъ, замѣчаетъ онъ, въ русскомъ быть чему ни на есть русскому.. Французы, англичане, нѣмцы и прочіе народы, театры имѣющіе — продолжаетъ онъ — держатся своихъ образцовъ, коихъ они и изображаютъ, а чужіе изрѣдка, да и то побочно вводятъ: для чего же и намъ не своихъ держаться?“.. Нельзя не признать,—эти идеи Лукина указываютъ на зарожденіе въ литературѣ уже болѣе серьезныхъ взглядовъ и стремленій. Литература росла не только количественно, но и качественно; мысль становилась требовательнѣе, содержательнѣе... Припомнимъ другіе факты. Вспомнимъ идеи и взгляды, вывезенные изъ-за границы Фонвизинымъ,—его рѣзкое отношеніе къ тѣмъ лицамъ, которые считались главными представителями просвѣтительныхъ идей... Вспомнимъ также отношеніе къ этимъ идеямъ—со стороны Новикова, и т. д.

Сравнительно съ только что предшествовавшимъ временемъ,—теперь, во вторую половину XVIII вѣка, вмѣстѣ съ внѣшнимъ ростомъ, постепенно преображается весь характеръ нашей литературы,—расширяется не только объемъ ея поэтическаго содержанія, но въ ней постепенно все сильнѣе пробивается струя народности...

Подъ вліяніемъ наплыва западно-европейской литературы и на почвѣ общаго, гораздо бо́льшаго сравнительно съ прежнимъ, духовнаго подъема страны,—у насъ выступаетъ цѣлый рядъ даровитыхъ писателей.

Во главѣ ихъ—Императрица...

Особенно знаменательнымъ было въ разсматриваемый періодъ развитіе журналистики, періодической печати.

Періодическая пресса возникаетъ у насъ съ Петра Великаго. Въ декабрѣ 1702 г. Петръ указалъ—„по вѣдомостямъ о воинскихъ и о всякихъ дѣлѣхъ, которыя надлежатъ для объявленія московскаго и окрестныхъ государствъ людемъ, печатать куранты, и для печатныхъ курантовъ вѣдомости, въ которыхъ Приказахъ о чемъ нынѣ какіе есть и впредь будутъ, присылать изъ тѣхъ Приказовъ въ Монастырскій Приказъ безъ мотчанья, а изъ Монастырскаго Приказа тѣ вѣдомости отсылать на печатный дворъ". Въ силу этого указа, съ 2 января 1703 года, въ Москвѣ стали выходить *Вѣдомости о военныхъ и иныхъ дѣлахъ, достойныхъ значенія и памяти, случившихся въ Московскомъ Государствѣ и во иныхъ окрестныхъ странахъ* (изданіе продолжалось съ 1703 по 1727 г.).

Первымъ, въ строгомъ смыслѣ, литературнымъ журналомъ были *Ежемѣсячныя Сочиненія*, выходившія при Академіи Наукъ, съ 1755 по 1764 гг., подъ редакціей акад. Г. Ф. Миллера (1705—1783). На журналъ Миллеръ смотрѣлъ какъ на такое изданіе, „которое пріохочивало бы читателей къ наукѣ и знанію",—которое бы могло „сколько возможно возбудить во всѣхъ удовольствіе, какое производитъ знаніе наукъ"... Содержаніе журнала должно быть самое разнообразное: „Надлежитъ, говоритъ въ „предувѣдомленіи" редакторъ, смотря по различію читателей, всегда перемѣнять матерію, дабы всякой, по своей склонности и охотѣ, могъ чѣмъ нибудь пользоваться".. Сообразно съ этимъ, въ своемъ журналѣ редакторъ имѣетъ въ виду предлагать—„всякія сочиненія, какія только обществу полезны быть могутъ, а именно: не одни только разсужденія о собственно такъ называемыхъ наукахъ, но и такія, которыя въ экономіи, въ купечествѣ, въ рудокопныхъ дѣлахъ, въ манифактурахъ, въ механическихъ рукодѣліяхъ, въ архитектурѣ, въ музыкѣ, въ живописномъ и рѣзкомъ художествахъ, и въ прочихъ, какое ни есть новое изобрѣтеніе показываютъ, или къ поправленію чего нибудь по-

водъ подать могутъ. Одни токмо тѣ сочиненія выключены отъ нашего намѣренія, прибавляется далѣе, кои ради глубокаго ихъ смысла не всѣмъ ясны и вразумительны бываютъ: ибо мы за правило себѣ приняли писать такимъ образомъ, чтобы всякой, какого бы кто званія или понятія ни былъ, могъ разумѣть предлагаемыя матеріи"... Рядомъ съ научными, техническими и общеобразовательными статьями, въ журналѣ отводится мѣсто и „стихотворческимъ сочиненіямъ",—такъ какъ „въ нихъ, замѣчаютъ издатели, „многое весьма сильнѣе и пріятнѣе изображается, нежели простымъ слогомъ"... Къ тому жъ—напоминаютъ издатели—мы за должность свою признаваемъ писать не токмо для пользы, но и для увеселенія читателей"... Въ журналъ должны допускаться, по плану издателей, также „переводы всякихъ полезныхъ и пріятныхъ матерій, взятыхъ изъ иностранныхъ книгъ". Въ будущемъ предполагалось кромѣ того—„сообщать экстракты изъ достовѣрнѣйшихъ россійскихъ лѣтописей, списки съ старинныхъ грамотъ и съ архивныхъ дѣлъ, описанія церемоніямъ и торжествамъ при дворѣ е. и. в. происходящимъ высочайшія узаконенія и указы до всенароднаго благополучія касающіяся", наконецъ, „объявлять о иностранныхъ и здѣшней печати новыхъ и полезныхъ книгахъ, также и о знатнѣйшихъ политическихъ каждаго мѣсяца приключеніяхъ"... Но вообще журналъ былъ не столько научнымъ, сколько популярнымъ и общеобразовательнымъ, въ которомъ не исключались статьи и для легкаго чтенія, стихотворенія, нравоучительныя притчи, повѣсти и т. д., хотя бо́льшая часть статей была все же научнаго содержанія,—по русской исторіи, географіи и статистикѣ, теоріи словесности и т. п. Главнымъ вкладчикомъ здѣсь былъ самъ редакторъ; кромѣ него писали Рычковъ, Татищевъ, Тредьяковскій, Сумароковъ и др. [151]) Встрѣчаются въ журналѣ также статьи по философіи, естественнымъ наукамъ, сельскому хозяйству, и вообще домоводству, по медицинѣ, педагогіи, и т. д. Бо́льшая часть этихъ

статей была переводная. Были и стихотворенія. Главнымъ поставщикомъ стиховъ былъ Сумароковъ, отчасти Херасковъ, и др. Стихотворенія печатались впрочемъ лишь въ самыхъ первыхъ книжкахъ журнала; съ 5-й они совершенно прекращаются. Къ собственно так. наз. беллетристическимъ произведеніямъ въ журналѣ можно причислить статьи сатирическо-дидактическаго направленія, особыя морально-философскія разсужденія въ аллегорической формѣ. Статьи такого характера въ то время были въ модѣ на Западѣ, въ значительномъ количествѣ помѣщались въ журналахъ Стиля и Аддиссона; Миллеръ переводилъ подобныя статьи отчасти оттуда, отчасти изъ нѣмецкихъ журналовъ. Кромѣ нихъ, переводились повѣсти Вольтера, Фонтенеля и др. Встрѣчаются и произведенія оригинальныя этого рода, напр. А. Суворова *Разговоръ въ царствѣ мертвыхъ между Александромъ В. и Геростратомъ*, *Разговоръ между Кортецъ и Мотецума* и под. Критическихъ статей въ журналѣ сначала не было; подъ конецъ, съ 1763 г., Миллеръ сталъ помѣщать извѣстія о вновь выходящихъ книгахъ,—так. наз. „*Извѣстія о ученыхъ дѣлахъ*, т. е. о томъ, что въ ученомъ свѣтѣ важнаго происходитъ,—съ справедливыми о новыхъ книгахъ разсужденіями любителямъ книгъ для предостереженія, дабы обманчивыми титулами иногда на покупку негодныхъ книгъ не прельщались. Сіе—прибавляется далѣе—уповательно и къ тому служить можетъ, что вкусъ охотниковъ до книгъ со временемъ исправится“... Тогда же, въ 1763 году, Миллеръ сдѣлалъ еще одно нововведеніе,—сталъ печатать въ журналѣ „задачи“, или вопросы „о дѣлахъ любопытства и разысканія достойныхъ, и особливо до исторіи и древностей россійскихъ, до исторіи натуральной Россійской Имперіи, до домостроительства и земледѣлія, также и до россійскаго языка касающихся“; отвѣты должны были присылаться самими читателями,—лучшіе изъ отвѣтовъ потомъ помѣщались въ журналѣ. Вопросы печатались въ продолженіе полутора года; отвѣтовъ явилось мало,—но все это указывало на желаніе

редактора придать своему журналу возможно популярное направленіе [151a])...—Таковъ былъ нашъ первый литературный журналъ. Нельзя не согласится съ изслѣдователемъ, что это былъ „одинъ изъ лучшихъ журналовъ, какіе издавались въ Россіи"... При ничтожномъ развитіи у насъ въ то время литературнаго дѣла, журналъ Миллера, по серьезности и дѣльности содержанія бóльшей части своихъ статей, могъ принести существенную пользу современнымъ русскимъ читателямъ, сообщая имъ и научныя знанія, поднимая и общее ихъ образованіе. Журналъ, кажется, былъ довольно распространеннымъ въ обществѣ [151б]),—о немъ упоминаетъ одно изъ лицъ въ комедіи Екатерины „О, время!"... „Ежем. Сочиненія" прекратились въ 1764 г., съ переѣздомъ Миллера въ Москву. У редактора было заготовлено множество матеріала, и онъ желалъ, чтобы изданіе продолжалось,—„но охотника къ принятію на себя труда издаванія между господами членами (Академіи) не сыскалось" [152])....

Къ 1759 году относится изданіе въ Петербургѣ Сумароковымъ *Трудолюбивой Пчелы*. Журналъ выходилъ ежемѣсячно, и главн. образомъ пополнялся сочиненіями самого издателя-редактора. Журналъ Сумарокова имѣлъ успѣхъ; въ 1780 г. „Трудолюбивая Пчела" вышла вторымъ изданіемъ. Лучшую часть журнала составляли прозаическія статьи издателя—съ сатирическимъ направленіемъ, при чемъ предметомъ сатиры брались нѣкоторыя стороны тогдашней русской общественности. Сотрудниками доставлялись въ журналъ преимущественно переводы—изъ Овидія, Ливія, Лукіана, Локка, Рабинера, Вольтера и др; попадаются переводы и изъ Аддисонова „Смотрителя" (The Spectator)... „Труд. Пчела" выходила лишь въ теченіе одного года и повидимому доставляла издателю много хлопотъ; въ послѣдней книжкѣ журнала, въ стихотвореніи „Раставаніе съ музами", онъ въ отчаяніи восклицаетъ:

Для множества причинъ
Противно имя мнѣ писателя и чинъ;

Съ Парнаса нисхожу, схожу противу воли,
Во время пущаго я жара моево...
Прощайте, музы, навсегда!
Я болѣе писать не буду никогда!..

Одновременно съ „Пчелой“ Сумарокова, въ Петербургѣ же, въ 1759—1760 гг., выходитъ *Праздное время въ пользу употребленное*, издававшееся при Сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ (вышло 4 части). Въ журналѣ изслѣдователи видятъ „зачатки сатирическаго направленія, широко развившагося въ позднѣйшей журналистикѣ“,—чѣмъ „Праздное время“ замѣтно отличается отъ „Ежем. Сочиненій“ и сближается съ „Трудол. Пчелой“ [153])... Отчасти продолженіемъ „Празднаго времени“ было *Полезное съ пріятнымъ*, выходившее въ 1769 г. при томъ же Сухопутномъ корпусѣ.

Почти одновременно съ учрежденіемъ университета,—въ Москвѣ, при университетѣ, основывается особое изданіе *Московскія Вѣдомости* (первый номеръ—26 апр. 1756 г.; съ 1756 по 1842 г. выходило два раза въ недѣлю, по вторникамъ и пятницамъ, за исключеніемъ конца 1771 года, когда, съ 22 ноября по 1-е янв. 1772 года, газета была пріостановлена, по случаю чумы; съ 1842 по 1858 г.—три раза; съ 1859 года—ежедневно). Первыми редакторами были профессора университета И. Н. Поповскій, А. А. Барсовъ, позднѣе П. Д. Веньяминовъ. Изданіе было сначала исключительно оффиціальнымъ; литературныхъ статей почти не помѣщалось. Эпохой для изданія былъ переходъ его, весной 1779 года, въ руки Н. И. Новикова (съ 1 мая 1779). Характеръ изданія совершенно измѣнился. При газетѣ начали печататься „приложенія“,—изъ которыхъ нѣкоторыя по объему являлись цѣлыми библіотеками... Измѣненіе въ характерѣ изданія быстро увеличило и число подписчиковъ...

Послѣ „Моск. Вѣдомостей“, въ Москвѣ, болѣе ранними изданіями были: *Полезное Увеселеніе* (съ янв. 1760 по іюнь 1762 г., 5 ч.) Хераскова, служившаго въ это время въ моск. университетѣ, и *Собраніе лучшихъ сочиненій къ рас-*

пространенію знанія и къ произведенію удовольствія, или смѣшанная библіотека о разныхъ физическихъ, экономическихъ, также до мануфактуръ и до коммерціи принадлежащихъ вещахъ (1762 г., 4 ч.; въ 1787 г. вышло вт. изд.), издававшееся проф. моск. университета Рейхелемъ. Своимъ характеромъ оба изданія напоминали „Ежем. Сочиненія" Миллера, и состояли преимущественно изъ переводныхъ и оригинальныхъ статей студентовъ моск. университета (въ томъ числѣ Д. И. Фонвизина, который помѣщалъ здѣсь первые литературные опыты). Вслѣдъ за названными журналами появились *Свободные Часы* (1763) того же Хераскова, *Невинное Упражненіе* (1763) Ип. Ѳ. Богдановича, „подъ покровительствомъ кн. Е. Р. Дашковой", *Доброе Намѣреніе* (1764) студента Санковскаго, и нѣкр. др.

Въ 1769—1770 гг., и послѣдующіе по 1774, въ Петербургѣ возникаетъ вдругъ цѣлый рой сатирическихъ журналовъ: *Всякая Всячина* (1769—1770) Козицкаго, *И то и се* (1769) Рубана, упомянутое *Полезное съ пріятнымъ* (1769), выходившее при Сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ, *Поденьщина* (1769), *Смѣсь* (1769; втор. изд., 1771), неизвѣстно кѣмъ издававшіеся—въ „Смѣси" изслѣдователи видятъ участіе Новикова—*Трутень* (1769—1770; въ 1770—второе изданіе) Новикова, *Адская Почта или переписка хромоногаго бѣса съ кривымъ* (1769; въ 1788 г.—второе изданіе: *Курьеръ изъ ада съ письмами*) Эмина, *Парнасскій Щепетильникъ* (1770) Чулкова, *Пустомеля* (1770), *Трудолюбивый Муравей* (1771) Рубана, *Старина и Новизна* (1772—1773) его же, *Вечера* (1772),—журналъ, предпринятый „обществомъ достаточныхъ людей, которые предпочитали литературныя занятія пустымъ свѣтскимъ удовольствіямъ и рѣшились собираться въ извѣстные дни по вечерамъ, чтобы общими силами сочинять прозу и стихи и періодически издавать ихъ въ свѣтъ",—лица эти дѣйствительно собирались и сообща работали для своего журнала; предполагаютъ, что во главѣ общества стоялъ М. М. Херасковъ [154]),—*Живо-*

писецъ (1772) Новикова, *Мѣшанина* (1773), прекратившаяся на второмъ листкѣ, *Кошелекъ* (1774) Новикова...

Съ конца 70—нач. 80-хъ гг. журналистика и вообще наша періодическая печать быстро растетъ, пріобрѣтаетъ болѣе широкую постановку. Въ Петербургѣ выходятъ: *Собраніе Новостей* (1775—1776, 16 кн.) Ип. Ѳ. Богдановича, первый опытъ русскаго ежемѣсячнаго журнала, съ политическимъ содержаніемъ,—*Утренній Свѣтъ* (1777—1780, 9 ч.) Новикова, позднѣе перенесенный имъ въ Москву,—*Санктпетербургскій Вѣстникъ* (1778—1781, 7 ч.) Брайко, одинъ изъ лучшихъ нашихъ журналовъ XVIII в., къ сожалѣнію прекратившійся вслѣдствіе „разныхъ непредвидѣнныхъ обстоятельствъ",—*Санктпетербургское еженедѣльное сочиненіе, касающееся до размноженія домостроительства и распространенія общеполезныхъ знаній*, сборникъ (1778),—*Модное ежемѣсячное изданіе, или библіотека для дамскаго туалета* (1779, 5 ч.), изданіе съ нѣсколько вычурнымъ заглавіемъ, но по своему характеру имѣвшее общія популярныя цѣли и издававшееся, предполагаютъ, Новиковымъ, почему позднѣе и было перенесено въ Москву,—*Что нибудь* (1780, съ мая по октябрь; втр. изд. 1782 г.) неизвѣстнаго,—*Утро, еженедѣльное изданіе, или собраніе разнаго рода новѣйшихъ сочиненій и нѣкоторыхъ переводовъ въ стихахъ и прозѣ съ пріобщеніемъ извѣстія о всѣхъ выходящихъ вновь въ Санктпетербургѣ россійскихъ книгахъ* (1782), П. А. Плавильщикова, выходило въ теченіе трехъ мѣсяцевъ,—*Отъ всего помаленьку, или собраніе философическихъ, нравоучительныхъ, критическихъ, историческихъ, забавныхъ и любовныхъ матерій, переведенныхъ съ французскаго языка* (1782), вышло лишь въ двухъ №-рахъ,—*Собесѣдникъ Любителей Россійскаго Слова* (1783—1784, 16 частей), предпринятый кн. Дашковой при Академіи Наукъ, при ближайшемъ участіи самой Императрицы; особенность журнала состояла въ томъ, что онъ долженъ былъ заключать въ себѣ—какъ указывалось въ „предувѣдомленіи"—„только одни подлинныя россійскія сочиненія", и обѣщаніе

это было выполнено, при чемъ вкладчиками журнала явились почти всѣ лучшіе русскіе писатели того времени [155]),—*Санктпетербургская Вивліоѳика журналовъ, въ Англіи, Нѣмецкой землѣ, Франціи и Швеціи издаваемыхъ* (1783, іюль), предпріятіе, не извѣстно кому принадлежавшее, и не извѣстно почему тотчасъ же прекратившееся,—*Собраніе сочиненій, выбранныхъ изъ мѣсяцеслововъ на разные года* (1785—1793, 10 частей), изданіе, предпринятое Академіей Наукъ, подъ редакціей акад. Озерецковскаго,—*Растущій Виноградъ, ежемѣсячное сочиненіе*, „издаваемое отъ главнаго народнаго училища города святаго Петра" (1785—1787, 24 книжки), издавался отчасти въ противодѣйствіе масонству, — *Зеркало Свѣта* (1786—1787, 12 частей, за оба года), выходившее сначала подъ редакціей Ѳ. Туманскаго и Ипполита Богдановича, потомъ одного Туманскаго,—прекратившееся вслѣдствіе „разныхъ неудобствъ", а также „малаго числа подписателей, сей годъ бывшихъ, а и того меньше на будущій явившихся",—*Лѣкарство отъ скуки и заботъ* (1786—1787, 2 ч.), издававшееся подъ редакціей тѣхъ же Туманскаго и Богдановича,—*Новыя Ежемѣсячныя Сочиненія* (1786—1796, 121 чч.), издававшіяся при Академіи Наукъ, послѣдовательно подъ редакціей академиковъ Румовскаго, Озерецковскаго и Протасова, сравнительно съ предшествовавшимъ академическимъ изданіемъ, „Собесѣдникомъ", въ журналѣ преобладали статьи ученаго содержанія, — *Новый Санктпетербургскій Вѣстникъ* (1786), Петра Богдановича,—*Россійскій Ѳеатръ или полное собраніе всѣхъ россійскихъ ѳеатральныхъ сочиненій* (1786—1794, 43 части), изданіе предпринято было при Акад. Наукъ по мысли кн. Дашковой, — *Утренніе Часы* (1788—1789, 4 ч.), издававшіеся бригадиромъ И. Г. Рахманиновымъ вмѣстѣ съ А. Ѳ. Лабзинымъ,—*О всѣхъ и за вся и о всѣхъ и ко всѣмъ, или россійскій патріотъ и патріотизмъ* (1788), изданіе, ограничившееся выходомъ лишь одного небольшого выпуска,—*Бесѣдующій Гражданинъ*, „ежемѣсячное

изданіе, заключающее въ себѣ разсужденіе вольнымъ слогомъ и на стихахъ, какъ на природномъ россійскомъ языкѣ сочиненныя, такъ и заимствованныя переводомъ у самыхъ лучшихъ иностранныхъ писателей, чрезъ разные роды твореній открывающіе путь къ ясному познанію главнѣйшихъ обязанностей человѣка въ особенности, а наипаче гражданина" (Во градѣ св. Петра, 1789, 3 ч.); изданіе предпринято было „нѣкоторымъ обществомъ учившихся разнымъ знаніямъ и наукамъ людей, упражняющихся въ сочиненіяхъ и переводахъ съ иностранныхъ языковъ",—*Почта Духовъ, ежемѣсячное изданіе, или ученая, нравственная и критическая переписка арабскаго философа Маликульмулька съ водяными, воздушными и подземными духами* (1789, 2 ч.; втор. изд.—Спб., 1802, 4 ч.) изданіе, предпринятое впервые выступавшимъ на поприще журналиста, И. А. Крыловымъ, вмѣстѣ съ А. Н. Радищевымъ, авторомъ „Путешествія изъ Петербурга въ Москву",—*Зритель* (1792, 3 ч.), того же Крылова,—*Россійскій Магазинъ* (Во градѣ св. Петра, 1792—1794, 4 ч.) Θ. Туманскаго, съ эпиграфомъ: „И дымъ отечественный сладокъ",—*С.-Петербургскій Меркурій* (1793, 4 ч.), сначала издававшійся И. А. Крыловымъ и А. И. Клушинымъ, какъ продолженіе „Зрителя", потомъ И. И. Мартыновымъ,—*Магазинъ общеполезныхъ знаній и изобрѣтеній*, „съ присовокупленіемъ моднаго журнала, раскрашенныхъ рисунковъ и музыкальныхъ нотъ" (1795, 2 ч.),—*Муза* (1796, 4 ч.) Мартынова, переводчика классиковъ,—*С.-Петербургскій Журналъ* (1798, 4 ч.) И. П. Пнина и А. Θ. Бестужева...

Въ ряду періодической печати, начавшейся развиваться въ Москвѣ, видное мѣсто принадлежитъ съ пол. 70-хъ гг. возникшему здѣсь полуученому, полулитературному журналу: *Опытъ трудовъ Вольнаго Россійскаго Собранія при Моск. университетѣ* (1774—1773, 6 ч.), издававшемуся отъ „Вольн. Росс. Собранія", основаннаго въ Москвѣ въ 1771 году „для исправленія и обогащенія россійскаго языка"... Далѣе, по времени появленія, слѣдуютъ: *Сельскій Житель*, „экономическое

въ пользу деревенскихъ жителей служащее изданіе“ (1778—1779, 2 ч.), редактировавшееся и издававшееся А. Т. Болотовымъ,—*Утренній Свѣтъ* (1777—1780, 9 частей), начатый Новиковымъ въ Петербургѣ и потомъ перенесенный (съ 1779 г.) въ Москву,—*Московское Ежемѣсячное Изданіе* (М., 1781, 3 ч.), бывшее продолженіемъ „Утренняго Свѣта“,—*Вечерняя Заря*, „ежемѣсячное изданіе, заключающее въ себѣ лучшія мѣста изъ древнихъ и новѣйшихъ писателей, открывающія человѣку путь къ познанію Бога, самого себя и своихъ должностей, которыя представлены какъ въ нравоученіяхъ, такъ и въ примѣрахъ оныхъ, то есть небольшихъ исторіяхъ, повѣстяхъ, анекдотахъ и другихъ сочиненіяхъ, стихами и прозою, служащее продолженіемъ Утренняго Свѣта“ (М., 1782, 3 ч.),—*Экономическій Магазинъ*, „или собраніе всякихъ экономическихъ извѣстій, опытовъ, открытій, примѣчаній, наставленій, записокъ и совѣтовъ, относящихся до земледѣлія, скотоводства, до садовъ и огородовъ до луговъ, лѣсовъ, прудовъ, разныхъ продуктовъ, до деревенскихъ строеній, домашнихъ лѣкарствъ, врачебныхъ травъ и до другихъ всякихъ нужныхъ и небезполезныхъ городскимъ и деревенскимъ жителямъ вещей“ (1780—1789, 40 томовъ, по 26-ти нумеровъ въ каждомъ; въ 1786—1788 гг. вышло второе изд.), приложеніе къ „Моск. Вѣдомостямъ“ Новикова, по содержанію своему бывшій какъ бы продолженіемъ „Сельскаго Жителя“ Болотова и выходившій подъ редакціей того же Болотова, приглашеннаго Новиковымъ,—*Разкащикъ забавныхъ басенъ, служащихъ къ чтенію въ скучное время или когда кому дѣлать нечево, стихами и прозою* (1781), А. О. Аблесимова,—*Городская и деревенская библіотека*, „или забавы и удовольствія разума и сердца въ праздное время, содержащая въ себѣ какъ исторіи и повѣсти нравоучительныя и забавныя, такъ и приключенія веселыя, печальныя, смѣшныя и удивительныя“ (1782—1786, 12 частей), издававшаяся Новиковымъ, какъ приложеніе къ „Моск. Вѣд.“,—*Прибавленія къ „Моск. Вѣд.“* (1783—1784,

№№ 104 + 94).—*Покоящійся Трудолюбецъ*, „періодическое изданіе, служащее продолженіемъ „Вечернія Зари“, заключающее въ себѣ богословскія, философическія, нравоучительныя, историческія и всякаго рода какъ важныя, такъ и забавныя матеріи, къ пользѣ и удовольствію любопытныхъ читателей, состоящія изъ подлинныхъ сочиненій на россійскомъ языкѣ и переводовъ съ лучшихъ иностранныхъ писателей, въ стихахъ и прозѣ“ (1784—1785, 3 ч.),—*Дѣтское Чтеніе для сердца и разума* (1785 — 1789, 20 частей), — *Распускающійся Цвѣтокъ, или собраніе разныхъ сочиненій и переводовъ*, „издаваемыхъ питомцами учрежденнаго при моск. университетѣ Вольнаго благороднаго пансіона“ (1787),—*Магазинъ натуральной исторіи, физики и химіи, или Новое собраніе матерій, принадлежащихъ къ симъ тремъ наукамъ*, „заключающее въ себѣ важные и любопытные предметы оныхъ, равно какъ и употребленіе премногихъ изъ нихъ во врачебной наукѣ, въ экономіи, земледѣліи, искусствахъ, художествахъ“ (1788—1790, 10 частей), послѣднее приложеніе къ „Москов. Вѣд.“, за періодъ изданія ихъ Новиковымъ, предпринятое имъ за годъ до начала новаго срока владѣнія газетой, и перешедшее въ 1789 г., вмѣстѣ съ газетой, къ А. А. Прокоповичу-Антонскому; послѣдній, повидимому, предполагалъ продолжать изданіе „Магазина“, но потомъ прекратилъ его на 10-й книжкѣ,—*Полезное упражненіе юношества* „состоящее въ разныхъ сочиненіяхъ и переводахъ, изданныхъ питомцами Вольнаго благороднаго пансіона при моск. университетѣ“ (1789), продолженіе сейчасъ упомянутаго сборника „Распускающійся Цвѣтокъ“, составленнаго также изъ трудовъ воспитанниковъ пансіона,—*Сатирическій Вѣстникъ*, „удобоспособствующій разглаживать наморщенное чело старичковъ, забавлять и купно научать молодыхъ барынь, дѣвушекъ, щеголей, вертопраховъ, волокитъ, игроковъ и прочаго состоянія людей, писанный небывалаго года, неизвѣстнаго мѣсяца, несвѣдомаго числа, незнаемымъ сочинителемъ“ (1790—1792, 9 частей), Н. И. Страхова, въ 1795 г. вышедшій вторымъ изданіемъ,—*Чтеніе*

для вкуса, разума и чувствованій (1791—1793, 12 частей), выходившее въ видѣ приложенія къ „Моск. Вѣд.“, за время ихъ редактированія Свѣтушкинымъ,—*Московскій Журналъ* (1791—1792, 8 частей; втор. изд., М., 1802—1803), начатый Н. М. Карамзинымъ, по возвращеніи изъ-за границы, и наполнявшійся преимущественно трудами самого издателя и его друга, И. И. Дмитріева,—*Магазинъ аглинскихъ, французскихъ и нѣмецкихъ новыхъ модъ*, „описанныхъ ясно и подробно и представленныхъ гравированными на мѣди и иллюминованными рисунками, съ присовокупленіемъ описанія образа жизни, публичныхъ увеселеній и времяпровожденій въ знатнѣйшихъ городахъ Европы, пріятныхъ анекдотовъ и пр., ежемѣсячное изданіе“ (1791, 3 ч.),—*Дѣло отъ бездѣлья, или пріятная забава*, „раждающая улыбку на челѣ угрюмыхъ, умѣряющая излишнюю радость вертопраховъ, и каждому, по его вкусу, философическими, критическими, пастушьими и аллегорическими повѣстьми, въ стихахъ и прозѣ состоящими, угождающая“ (1792, 4 ч.), А. Г. Рѣшетникова,—*Прохладные часы, или Аптека, врачующая отъ унынія, составленная изъ медикаментовъ старины и новизны* (1793, 2 ч.) его же,—*Еженедѣльникъ, или собраніе разныхъ философическихъ, историческихъ, физическихъ и нравоучительныхъ разсужденій, переведенныхъ съ разныхъ языковъ, также загадокъ, елегій, епиграммъ и другихъ разныхъ, въ стихахъ и прозѣ, россійскихъ мелкихъ сочиненій*, періодически на 1792 годъ изданныхъ“ (1792, I), неизвѣстнаго издателя, предполагаютъ, В. Снятиновскаго и Ѳ. Комарова, изъ статей которыхъ исключительно состоитъ сборникъ, прекратившійся на первой части,—*Пріятное и полезное препровожденіе времени* (1794—1798, 20 частей), выходившее сначала подъ редакціей В. С. Подшивалова, потомъ П. А. Сохацкаго,—*Ипокрена, или утѣхи любословія* (1799—1801, 11 ч.), Сохацкаго...

Возникаетъ рядъ ученыхъ или вообще болѣе или менѣе научныхъ періодическихъ изданій: *Труды Вольнаго*

Экономическаго Общества (1765—1775, Спб., 30 ч.; нѣкоторыя части вышли 2 и 3 изд.), выходившіе потомъ подъ заглавіемъ: *Продолженіе трудовъ Вольнаго Экономич. Общества* (1779—1794, Спб., 18 ч.), *Новое продолженіе трудовъ Вольнаго Экон. Общества* (1795—98, 3 ч.),—*Библіотека Россійская Историческая*, „содержащая древнія лѣтописи и всякія записки, способствующія къ объясненію исторіи и географіи россійской древнихъ и среднихъ временъ" (I, 1767), прекратившаяся на первой части,—*Древняя Россійская Вивліоѳика*, „или собраніе разныхъ древнихъ сочиненій, яко то: россійскія посольства въ другія государства, рѣдкія грамоты, описанія свадебныхъ обрядовъ и другихъ историческихъ и географическихъ достопамятностей, и многія сочиненія древнихъ россійскихъ стихотворцевъ, издаваемая помѣсячно" (1773—75, 10 ч.; втор. изд.—М., 1788—1791, 20 ч.) Новикова,—его же *Повѣствователь Древностей Россійскихъ* (ч. I, 1776) и *С.-Петербургскія Ученыя Вѣдомости* (1777, вм. 52-хъ вышло лишь 22 №-ра),—*Академическія Извѣстія* (1779—1781, 8 ч.), предпринятый по мысли С. Г. Домашнева, въ то время директора Академіи Наукъ,—*Продолженіе Древней Россійской Вивліоѳики* (1786—1801, 11 ч.),—*Собраніе разныхъ записокъ и сочиненій, служащихъ къ доставленію полнаго свѣденія о жизни и дѣяніяхъ гсд. имп. Петра Великаго* (Во градѣ св. Петра, 1787—1788, 10 т.) Ѳ. О. Туманскаго,—*Еженедѣльныя Извѣстія Вольнаго Экономическаго Общества* (Спб., 1788—1789, 2 т.),—*Словарь Историческій или Сокращенная Библіотека* (1790—1798, М., 14 частей), выходившій сначала въ видѣ приложенія къ „Моск. Вѣд.", въ ихъ новой редакціи, послѣ Новикова, потомъ законченный отдѣльно В. И. Окороковымъ,—переводный *Политическій Журналъ*, „съ показаніемъ ученыхъ и другихъ вещей, издаваемый въ Гамбургѣ обществомъ ученыхъ людей", начавшій выходить съ 1790 года, перешедшій въ слѣдующее столѣтіе и продолжавшійся, подъ разными заглавіями, по 1830 годъ (по 12 „книжекъ" или „частей" въ годъ); первыя

десять лѣтъ журналъ выходилъ подъ редакціей проф. моск. унив. П. А. Сохацкаго,—*Санктпетербургскія Врачебныя Вѣдомости* (1792—1794, 2 ч.), выходившія подъ редакціей Удена и Клейнеша...

Появляется специальный музыкальный журналъ—*Санктпетербургскій музыкальный магазинъ*, „для клавикордовъ или паіно-форте, посвященный женскому полу и любителямъ сего инструмента“ (Спб., 1794—1795), и музыкальные сборники и альманахи: *Карманная книжка для любителей музыки* (1795—1796), *Магазинъ музыкальныхъ увеселеній или полное собраніе вокальныхъ піесъ самыхъ лучшихъ и новѣйшихъ всякаго рода* (М., 1795), какой-то *Журналъ санктпетербургскаго италіанскаго театра* (1795), и т. д.

Возникаютъ опыты духовныхъ журналовъ,—преимущественно масонскаго характера: *Избранная библіотека для христіанскаго чтенія*, И. В. Лопухина (М., 1784, 4 ч.; вт. изд. М., 1819),—*Бесѣды съ Богомъ*, свящ. І. Г. Харламова (М., 1787—1789, 16 ч.),—*Приношенія религіи* (1798—1801 2, кн.), М. М. Вышеславцова, съ эпиграфомъ: „Божіе Богови“, и т. п.

Дѣлается попытка основать періодическое изданіе художественнаго содержанія; разумѣемъ журналъ: *Открываемая Россія, или собраніе одеждъ всѣхъ народовъ въ Россійской Имперіи обрѣтающихся* (1774—1776), альбомъ рисунковъ, выходившій тетрадями, безъ текста (всего вышло 12 тетр.).

Появляются первыя періодическія изданія въ провинціи; разумѣемъ—*Уединенный Пошехонецъ, ежемѣсячное сочиненіе на 1786 годъ*, заключавшій въ себѣ „разныя извѣстія о достопамятныхъ происшествіяхъ, случившихся въ здѣшней странѣ издревле и нынѣ, благотворительные и человѣколюбивые дѣяніи, оказанные частными людми къ общественной пользѣ, разные духовные, философическіе, нравоучительные, историческіе, до нашего отечества и до иныхъ государствъ относящіеся, также до естественной исторіи, домоводства и до наукъ принадлежащіе, сочиненіи“. Журналъ возникъ въ

Ярославлѣ, и вышло двѣ довольно обширныхъ части. Предполагаютъ, что издателемъ былъ В. Дем. Санковскій, „ярославскаго намѣстничества приказа общественнаго призрѣнія секретарь“, нѣкогда, въ 1764 г., будучи студентомъ московскаго университета, издававшій тамъ журналъ „Доброе Намѣреніе“, потомъ служившій переводчикомъ... Продолженіемъ „Уединеннаго Пошехонца“ было *Ежемѣсячное сочиненіе, издаваемое въ Ярославлѣ на 1787 годъ* (1787, 2 ч.), предпринятое, предполагаютъ, тѣмъ же Санковскимъ, дошедшее до насъ едва ли не въ единственномъ экземплярѣ, въ Ярославлѣ... Появляется журналъ даже въ Сибири—*Иртышъ, превращающійся въ Ипокрену*, „ежемѣсячное сочиненіе, издаваемое отъ Тобольскаго главнаго народнаго училища“ (1789—1791, 12 книжекъ), подъ редакціей нѣкоего П. П. Сумарокова, проживавшаго въ Тобольскѣ ссыльнаго (впослѣдствіи возвращеннаго изъ Сибири), вмѣстѣ съ учителями училища. По прекращеніи „Иртыша“, тѣмъ же П. П. Сумароковымъ, въ Тобольскѣ же, была начата *Библіотека ученая, экономическая, нравоучительная, историческая и увеселительная, въ пользу и удовольствіе всякаго званія читателей* (1793—1794, 12 частей), потомъ прекратившаяся [156]).

Помощью періодическихъ сборниковъ, постоянно смѣняющихся одни другими,—литература постепенно становилась ближе къ обществу, спускалась съ заоблачныхъ высотъ,—начинала интересоваться обыденной обстановкой своихъ читателей, по временамъ совершенно забывая о своей старой обязанности „пѣть“ и „брящать“... Дѣятели литературы изъ „Пиндаровъ“, „Гомеровъ“, дѣлались просто писателями,—которые хотѣли дать своимъ читателямъ „пріятное и полезное препровожденіе времени“... Литература переставала быть „лѣтомъ вкуснымъ лимонадомъ“,—хотѣла приносить „пользу“ обществу, служить ему. Въ связи съ развитіемъ періодической печати, постепенно возникаютъ первые опыты того вида общественной литературы, которая называется публицистикой,—первые опыты критики...

Въ ряду нашей періодической печати второй пол. XVIII в. особенно видное мѣсто принадлежитъ Н. И. Новикову, являющемуся издателемъ и редакторомъ цѣлаго ряда журналовъ, выходящихъ сначала въ Петербургѣ, потомъ въ Москвѣ. Подъ конецъ царствованія императрицы Екатерины II, на поприще журналистики выступаютъ два писателя, дѣятельность которыхъ переходитъ уже въ слѣдующій періодъ литературы — Карамзинъ и Крыловъ, трудамъ которыхъ отчасти, совмѣстно съ другими лицами, наша періодическая печать конца XVIII в. также обязана была рядомъ журналовъ, сборниковъ, альманаховъ...

Въ другомъ мѣстѣ мы говорили о развитіи нашего театра во второй пол. XVIII в... Между прочимъ, весьма важнымъ шагомъ впередъ было здѣсь усиленіе на нашей сценѣ комической оперы, водевиля въ народномъ духѣ. Комическая опера шла несравненно дальше бытовой комедіи,—спускалась прямо къ народу, обращалась къ жизни простонародной массы. На зрителей вѣяло родной русской деревней,—здоровымъ воздухомъ деревенскихъ полей, всей обстановкой народнаго быта, народныхъ обычаевъ, народныхъ пѣсенъ. Все это не могло не вызывать сочувствія и восторга,—и намъ понятно, когда современники сообщаютъ, что нѣкоторыя изъ этихъ оперъ, напр. Аблесимовскій *Мельникъ*, давались на театрахъ, безъ перерыва, цѣлые десятки разъ.

Мы видимъ широкое развитіе не только собственно литературы поэтической, но и научной, особенно исторіографіи, исторической публицистики,—дѣлаются изученія народнаго быта, собираются памятники народной поэзіи...

Во всѣхъ сферахъ литературы мы видимъ упорную работу мысли лучшихъ людей, — усиленное стремленіе разобраться въ вычитанныхъ идеяхъ, воспользоваться ими для уразумѣнія и освѣщенія своихъ собственныхъ, окружающихъ фактовъ... Дѣлаются попытки— иногда робкія, случайныя, иногда довольно настойчивыя—

вычитанныя въ книгѣ идеи здравымъ образомъ приложить къ практикѣ,—съ помощью вычитанныхъ новыхъ мыслей сдѣлать оцѣнку окружающей живой дѣйствительности... Сама Императрица *смѣло* ставитъ вопросъ о правахъ личности и общества,—со всѣхъ концовъ своей обширной Имперіи сзываетъ къ себѣ общественныя силы, чтобы сообща обсудить, что́ нужно и необходимо для культурнаго развитія страны,—смѣло поднимаетъ вопросъ о необходимости дать свободу милліонамъ русскихъ рабовъ,—отмѣнить ужасы пытки,—провести въ жизненную практику новыя идеи воспитанія,—съ первыхъ же лѣтъ царствованія приступаетъ къ обсужденію мѣръ просвѣщенія низшей массы, поднимаетъ вопросъ объ устройствѣ для нея школъ, училищъ и т. д. Призывъ Императрицы находитъ горячій откликъ. Въ литературѣ заявляются идеи о свободѣ печати,—о необходимости и важности печатанія судебныхъ рѣшеній, гласности суда,—затрогиваются важнѣйшіе вопросы администраціи и общественности,—„дѣлаются попытки не только къ самостоятельности, но иногда и оппозиціонности сужденій“... *Вопросы* Фонвизина, при всей кажущейся шутливости, должны были наводить на весьма серьезныя размышленія. „Вопросы“ рисуютъ передъ нами и самое общество—касаясь многихъ весьма чувствительныхъ и слабыхъ его сторонъ—затрогиваютъ многія слабыя стороны и всего господствующаго государственнаго механизма...—„Отъ чего у насъ спорятъ сильно въ такихъ истинахъ, кои нигдѣ уже не встрѣчаютъ ни малѣйшаго сомнѣнія? спрашиваетъ авторъ. Отъ чего въ нашихъ бесѣдахъ слушать нечего? Отъ чего многіе пріѣзжіе изъ чужихъ краевъ, почитавшіеся тамо умными людьми, у насъ почитаются дураками? И наоборотъ: отъ чего здѣшніе умницы въ чужихъ краяхъ дураки?.. Отъ чего въ Европѣ весьма ограниченный человѣкъ въ состояніи написать письмо вразумительное и отъ чего у насъ часто преострые люди пишутъ такъ безтолково?.. Какъ истребить два сопротивные и оба вреднѣйшіе предраз-

судка: первый, будто у насъ все дурно, а въ чужихъ краяхъ все хорошо?.. второй—будто въ чужихъ краяхъ все дурно а у насъ все хорошо?.. Отъ чего, продолжаетъ авторъ, многихъ добрыхъ людей видимъ въ отставкѣ?.. Если дворянствомъ награждаются заслуги, а къ заслугамъ отверсто поле для всякого гражданина,—отъ чего же никогда не достигаютъ дворянства купцы, а всегда или заводчики или откупщики?.. Отъ чего знаки почестей, долженствующіе свидѣтельствовать истинные отечеству заслуги, не производятъ по бо́льшей части къ носящимъ ихъ ни малѣйшаго душевнаго почтенія?... Отъ чего у насъ тяжущіеся не печатаютъ тяжбъ своихъ и рѣшеній правительства?.. Отъ чего въ вѣкъ законодательный никто въ сей части не помышляетъ отличиться?... Отъ чего въ прежніе времена шуты, шпыни и балагуры чиновъ не имѣли, а нынче имѣютъ и весьма большіе? Въ чемъ состоитъ нашъ національный характеръ?"... Несмотря на свое „раскаяніе", Фонвизинъ, и послѣ сдѣланнаго ему внушенія, настаиваетъ на необходимости гласности въ судопроизводствѣ. Въ „Вопросахъ" онъ придаетъ уже большое значеніе общественному мнѣнію,—литературному слову, печати; въ „Вопросахъ" и послѣдовавшихъ за ними „объясненіяхъ" Фонвизинъ смотритъ на литературу, на ея значеніе въ общественной жизни, уже иначе, чѣмъ въ *Челобитной Россійской Минервѣ* (хотя эти произведенія и печатаются одновременно)...—Въ 1791 г. Новиковъ приступаетъ къ изданію *Театра судовѣдѣнія или чтенія для судей и всѣхъ любителей юриспруденціи*, гдѣ „высказываетъ здравые и новые по тому времени взгляды, отстаивая гласность судопроизводства" [157])...—Около Императрицы группируется ц ѣ л ы й р я д ъ п и с а т е л е й и о б щ е с т в е н н ы х ъ д ѣ я т е л е й, своимъ появленіемъ указывавшихъ, какія могучія силы таились въ нѣдрахъ общества и народа... За этимъ рядомъ главныхъ, наиболѣе выдающихся, виднѣется множество другихъ, болѣе мелкихъ, дѣятелей,—самой массой своей указывающихъ на ростъ читающаго круга, на расширеніе общественной мысли... Затро-

нутыя литературой темы не только не всѣ были разрѣшены, но не всѣ были обстоятельно и развиты; большинство ихъ осталось лишь слабо намѣченными. Но важно было уже то, что эти темы заносились въ область литературы,—важна была общая увеличивающаяся серьезность литературной мысли, накопленіе въ литературѣ извѣстнаго общественнаго содержанія... Впрочемъ, въ дѣятельности отдѣльныхъ лицъ, мы видимъ иногда и безотносительно весьма значительный ростъ,—весьма серьезную постановку и рѣшеніе общественныхъ вопросовъ. Не указывая другихъ фактовъ тогдашней литературы и науки,—припомнимъ публицистическіе трактаты кн. Щербатова, историческія мнѣнія Болтина, книгу Радищева, литературно-общественную дѣятельность Новикова, — припомнимъ мнѣнія Полѣнова и Радищева по вопросу о крѣпостномъ правѣ, мнѣнія, своей трезвостью и широтой опередившія все, что̀ высказывалось въ то время на Западѣ по этому вопросу, и т. д.

Чтобы наглядно видѣть, что̀ пріобрѣла наша литература за 30-ть лѣтъ царствованія императрицы Екатерины II,— достаточно лишь бѣгло сравнить, чѣмъ была наша литература передъ началомъ этого царствованія и чѣмъ стала въ концѣ его... Когда Екатерина вступала на престолъ,—русская литература исчерпывалась двумя-тремя именами: Ломоносовъ, Сумароковъ, Тредьяковскій, отчасти Миллеръ, какъ издатель журнала,—вотъ почти и всѣ дѣятели оффиціальной литературы. Литература была весьма ограниченной. съ чисто внѣшней стороны: она въ значительной долѣ продолжала быть еще рукописной. Печатная книга была вообще рѣдка̀. Въ печать не попадали при жизни иногда и такіе писатели, какъ Кантемиръ,—сатиры котораго были напечатаны много позже смерти автора... Нѣтъ нужды вспоминать о положеніи литературы въ обществѣ,—о господствующихъ взглядахъ на литературу, на писателя... И въ лучшихъ, высшихъ слояхъ иногда мало встрѣ-

чалось даже простого образованія, элементарныхъ знаній. Передъ нами иногда факты совершенно невѣроятные. Тредьяковскій, подавая просьбу о разрѣшеніи напечатать свою книжку объ ороографіи,—считаетъ необходимымъ увѣрять, „подъ лишеніемъ чести и живота“, что въ оной книжкѣ „нѣтъ никакихъ противностей православной вѣрѣ, самодержицѣ, отечеству, добронравію,—нѣтъ въ ней никакихъ обидныхъ словъ и воображеній ни тайныхъ, ни явныхъ никому“... Извѣстна также исторія, возникшая изъ-за выраженія, употребленнаго тѣмъ же Тредьяковскимъ въ одной торжественной одѣ:

Да здравствуетъ днесь императриксъ Анна!...

Смущеніе произвело слово „императриксъ“, — поэтъ получилъ формальную бумагу изъ тайной канцеляріи, и долженъ былъ письменно доносить, кому слѣдовало, что слово „императриксъ“ — „есть самое подлинное латинское, отъ котораго и нынѣшнее наше производится „императрица“, и значитъ точно во всей своей высокости „императрица“, въ чемъ я—прибавляетъ несчастный піита—ссылаюсь на всѣхъ тѣхъ, которые совершенную силу знаютъ въ латинскомъ языкѣ“, что „чрезъ оное слово никакого нѣтъ урона въ высочайшемъ титлѣ ея императорскаго величества“ и т. д. и т. д. Не то мы видимъ въ концѣ XVIII вѣка. И положеніе литературы въ обществѣ не то́, и самая литература не та́. И общій объемъ литературы и ея содержаніе—значительно подвинулись... Въ концѣ періода на литературное поприще выступаетъ Карамзинъ,—спустя три-четыре года послѣ смерти Екатерины II, въ печати появляется первое стихотвореніе Жуковскаго и рождается Пушкинъ... Пройдетъ еще сорокъ лѣтъ и русская литература достигнетъ высшей степени своего національнаго развитія.

Бо́льшая зрѣлость литературы отражала собой относительно бо́льшую зрѣлость и самого общества. Если внима-

тельнѣе приглядѣться къ послѣднему, можно усмотрѣть въ немъ не однихъ „вольтерьянцевъ“, „фармазоновъ“, Иванушекъ, Струйскихъ... На заднемъ планѣ видимъ немало и просто образованныхъ и честныхъ людей, — желавшихъ посильно служить своему „любезному отечеству“. Лучшимъ представителемъ именно такихъ людей, по новѣйшимъ изысканіямъ, является Новиковъ, — и онъ былъ далеко не одинъ. Онъ быстро сплачиваетъ около себя цѣлый кружокъ: почва, очевидно, уже давала къ тому средства... Припомнимъ князей Трубецкихъ, Черкаскаго, Тургенева, моск. проф. Шварца, — припомнимъ генерала Боборыкина, прославившагося своей неподкупной честностью,—не оставимъ безъ вниманія и этой массы общества, которая, по поводу какого-то дѣла, устраиваетъ тому же Боборыкину въ театрѣ цѣлую овацію, — припомнимъ уфимскаго заводчика Походяшина, который растрачиваетъ на дѣла образованія и филантропіи все свое огромное имущество, и умираетъ въ бѣдности [157]) и т. д. Въ обществѣ замѣтно выросло сознаніе человѣческаго достоинства, чувство права и обязанностей гражданина. Фонвизинъ съ презрѣніемъ относится къ дворянину „раболѣпствующему“ [158])... Князь Григорій Долгорукій и членъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ Степановъ, жалуясь на оскорбленія, ссылаются на свои чины и всенародныя права [159])... Когда оберъ-прокуроръ сената Неклюдовъ, по случаю заключенія мира съ Швеціей, въ 1790 г., произнесъ хвалебную рѣчь императрицѣ Екатеринѣ II, принижая передъ нею Петра В.,—рѣчь вызываетъ горячее опроверженіе со стороны кн. Щербатова, который составляетъ *Отвѣтъ гражданина* [160])... Или вотъ передъ нами знаменитый масонъ Лопухинъ, который въ своихъ *Запискахъ* всѣми силами старается насъ увѣрить, чтобы мы не придавали никакого значенія его привычкѣ оказывать помощь окружающимъ, помогать бѣднымъ: это у него просто такая страсть, спортъ, какъ у другихъ—другія страсти [161])... Припомнимъ также „святого человѣка“, Гамалѣю, который борется тоже

съ преступной страстью—куренiемъ табаку—поглощающей у него цѣлыхъ 15 рублей въ годъ: на эти деньги онъ смотритъ, какъ на грабежъ съ его стороны бѣднаго, нуждающагося человѣка; онъ пересиливаетъ наконецъ въ себѣ эту страсть, и 15 рублей идутъ тѣмъ же бѣднымъ, которымъ онъ отдавалъ и все остальное содержанiе [162])... Припомнимъ, наконецъ, слова знаменитаго московскаго iерарха, изъ его донесенiя Императрицѣ,—что онъ „молитъ всещедраго Бога, чтобы не только въ словесной паствѣ, Богомъ ему данной, но и во всемъ мiрѣ были христiане таковые, какъ Новиковъ"... Къ концу XVIII в. русская общественность дѣлаетъ несомнѣнные успѣхи. „Какъ ни ужасно было состоянiе Россiи въ царствованiе императора Павла, замѣчаетъ историкъ, но и при немъ стали уже невозможны многiя явленiя, бывшiя заурядными при Петрѣ Великомъ или при Аннѣ Ивановнѣ. Аракчеевщина все же не можетъ пойти въ сравненiе съ бироновщиною" [163])... Въ смягченiи нравовъ нашего общества, въ исторiи развитiя вообще нашей общественности, съ своей стороны не малую услугу оказало русское масонство: наше масонство въ общемъ не дошло до тѣхъ „градусовъ", до которыхъ такъ скоро оно достигло на Западѣ,—и это было его прямой, положительной заслугой...

Въ такихъ чертахъ возстаютъ передъ нами наша литература и общественная мысль второй половины XVIII вѣка,—эпохи царствованiя императрицы Екатерины II. Не смотря на всѣ колебанiя,—мы видимъ несомнѣнный ростъ и литературы и общества...

Этимъ ростомъ—помимо, конечно, духовныхъ силъ самой страны — мы въ весьма значительной степени были обязаны просвѣщенной Императрицѣ и тѣмъ идеямъ, къ которымъ она такъ гостепрiимно отнеслась съ самаго начала своего царствованiя... Нѣкоторые говорятъ, что она сдѣлала меньше, чѣмъ могла,—и ставятъ на видъ, что затѣвавшiйся Фонвизинымъ журналъ не былъ разрѣшенъ, что книга Радищева вызвала бурю.. При

оцѣнкѣ историческихъ дѣятелей никогда не нужно забывать характера эпохи, среди которой имъ приходилось дѣйствовать. Мы уже замѣчали, что и въ самомъ источникѣ „идей“ не всегда обстояло благополучно... Никогда и нигдѣ цензура не доходила до такихъ нелѣпостей, какъ во Франціи въ срединѣ и концѣ XVIII в. Вся французская литература „просвѣщенія“ печатается исключительно за предѣлами Франціи,—въ самой Франціи запрещаются часто не только книги, но вычеркиваются и нѣкоторыя слова, напр. „*терпимость*“, „*тираннія*“, даже „*св. Варѳоломей*“, такъ какъ это можетъ напомнить Варѳоломеевскую рѣзню[165])... *Свадьба Фигаро* не была допущена на парижскую сцену,—*Велизарій* Мармонтеля, послѣ того какъ королемъ былъ разрѣшенъ, былъ запрещенъ Сорбонной,—книга Гельвеція *О духѣ* была сожжена,—книга Руссо *Эмиль* была также сожжена... Извѣстно, что *Наказъ* Екатерины не былъ допущенъ въ Парижѣ къ печатанію... Припомнимъ, наконецъ, въ какомъ видѣ вышла изъ типографіи знаменитая *Энциклопедія*: предсказаніе Вольтера, что она будетъ памятникомъ лишь того, „что́ философы хотѣли сдѣлать и чего не могли“,—оправдалось болѣе чѣмъ блистательно: въ томъ видѣ, въ какомъ она была въ рукописи, безъ пропусковъ и искаженій, „Энциклопедія“ вышла лишь въ одномъ экземплярѣ, лично для Дидро (этотъ экземпляръ въ Имп. Публичн. Библіотекѣ, въ Петербургѣ) [166])..
По указу 1757 года, во Франціи авторъ подвергался смертной казни, если въ его сочиненіи усматривали нападки на религію, королевскую власть,—если оно вообще волновало умы, посягало на спокойствіе въ государствѣ [167]). Въ 1777 г., въ Парижѣ, нѣкто Делиль де-Саль, за книгу *Philosophie de la nature*,—по одному приговору присуждается къ наказанію кнутомъ, клейму и вѣчной каторгѣ, по другому ему назначаютъ позорный столбъ, публичное покаяніе на паперти Notre-Dame,—въ рубашкѣ, съ головней въ рукѣ [168]), и т. п. Преслѣдовалась всякая частная переписка, особенно между „философами“. Послѣдніе боятся подписываться

своими именами,—изобрѣтаютъ условные знаки, или посылаютъ письма безъ подписи, по почерку узнавая, отъ кого письмо... Подъ старость Вольтеръ начинаетъ смѣшивать почерки Кондорсе и Д'Аламбера,—не можетъ различить ихъ писемъ, и проситъ послѣдняго взять для подписи какую нибудь условную букву [169]), и т. д... Преслѣдованія иногда бывали и не въ одной Франціи... Что касается Россіи, не нужно забывать, что свободному развитію общественной литературы у насъ иногда препятствовали и представители высшаго общества; какъ извѣстно, придворные кружки сильно тормозили постановку на сценѣ *Недоросля*,—піеса была поставлена лишь благодаря содѣйствію Н. И. Панина [170]).

Приведенные факты показываютъ, что это было особое время,—и ко многимъ тогдашнимъ явленіямъ нельзя прилагать обычную мѣрку... Во всякомъ случаѣ изъ-за отдѣльныхъ фактовъ нельзя забывать общаго хода дѣлъ,—того, какъ мы сейчасъ замѣтили, общаго несомнѣннаго роста, который сдѣланъ за вторую половину XVIII вѣка и нашей литературой и нашей общественой мыслію, —и того, что́ сдѣлано было для развитія и литературы и общества просвѣтительными мѣрами Екатерины II. Вниманіе Императрицы къ печатному слову какъ-бы мановеніемъ волшебнаго жезла вызываетъ цѣлый рядъ литературныхъ предпріятій; личное авторство Императрицы неизмѣримо высоко поднимаетъ въ глазахъ общества и значеніе литературы и дѣятельность вообще писателя... Нашей литературѣ и обществу недоставало главнаго,—образованія: учрежденныя Императрицею *316*-ть народныхъ училищъ были первой серьезной мѣрой въ дѣлѣ просвѣщенія низшей массы народа; только съ этого момента начинается у насъ въ строгомъ смыслѣ исторія народнаго образованія... Просвѣтительныя мѣры Императрицы могущественнымъ образомъ вліяли и на все развитіе нашей общественной мысли. Идеи *Наказа* не пропали даромъ,—онѣ и въ самомъ началѣ и послѣ, во все-

продолженіе царствованія, будили мысль, и полностью вошли въ содержаніе нашей общественной литературы при императорѣ Александрѣ I... Не нужно забывать, что слѣдующія слова одного изъ депутатовъ Коммиссіи составленія проекта новаго уложенія были лишь перифразомъ идей Наказа,—вопросъ шелъ о низшихъ классахъ народа: „Никто ихъ подлыми да не называетъ!,— говорилъ депутатъ. Подлаго у отечества нѣтъ никого! Земледѣлецъ, мѣщанинъ, дворянинъ, всякій изъ нихъ честенъ и знатенъ трудами своими, добрымъ воспитаніемъ и добронравіемъ. Подлые тѣ только, которые имѣютъ дурныя свойста, производятъ дѣла противныя законамъ, непристойныя своему званію, — тѣ, которые не радя о благѣ отечества, жизнь свою препровождаютъ праздно“ [171])... Не нужно забывать и слѣдующихъ великихъ словъ, сказанныхъ въ *Наказѣ* самой Императрицей: „Ласкатели по вся дни земнымъ обладателямъ говорятъ, что народы ихъ для нихъ сотворены. Однакожъ мы думаемъ и за славу себѣ считаемъ сказать, что мы сотворены для нашего народа!..“

Примѣчанія.[*]

[1]) Сухомлинова, Сочиненія М. В. Ломоносова, I, Спб., 1893. примѣч., стр. 356—357.

[2]) ib., стр. 358.

[3]) *Горація Флакка, десять писемъ.* Перевелъ съ лат. стиховъ кн. А. Кантемиръ, съ примѣчаніями. Спб., 1744; изд. вт., Спб., 1788.

— *Горація письмо о стихотворствѣ и нѣсколько одъ.* Пер. съ лат. Н. Поповскій. Спб., 1753.

— *Сатиры.* Пер. съ лат. И. Барковъ. Спб., 1763.

[4]) *Житія славныхъ генераловъ, Корнелія Непота.* Спб., 1748; вт. изд., Спб., 1785.

[5]) *Исторія Полибіева военная, съ примѣчаніями Кавалера Фоларда.* Пер. съ франц. Сер. Волчковъ. 2 т., Спб., 1756—1760.

[6]) *Ксенофонта философа и полководца славнаго, Исторія о старшемъ Кирѣ, основателѣ Персидской монархіи.* Пер. съ лат. Спб., 1759; изд. вт., Спб., 1788.

— *О достопамятныхъ дѣлахъ и разговорахъ Сократовыхъ и оправданіе Сократово передъ судіями.* Пер. съ греч. Григ. Полетика. Спб., 1762.

[7]) *Епиктита, стоическаго философа, Енхиридіонъ и Апофегмы, и Кевита Ѳивейскаго Картина, или изображеніе житія человѣческаго.* Пер. съ греческ. Григорій Полетика. Спб., 1759; вт. изд., Спб., 1767.

[7a]) *Торжество супружеской любви надъ злощастіями, или приключеніе Аврокома и Анѳіи, ефесская повѣсть...* Пер. съ франц. *В. П.* М., 1793.

(*) Приводя заглавія переводныхъ сочиненій XVIII вѣка, пользуемся преимущественно трудомъ Сопикова: Опытъ россійской библіографіи и пр., т. I—V, Спб., 1813—1821.

[8]) *Сокращеніе Римской исторіи.* Пер. съ лат. С. Воронцовъ. М., 1759; изд. вт., М., 1779.

[8а]) *Граціана Придворный человѣкъ.* Пер. съ гишпанскаго языка на франц, а съ франц. на россійскій С. Волчковымъ. Спб., 1739; вт. изд., Спб., 1760.

[8б]) *Разговоры о множествѣ міровъ.* Перев. съ франц. и потребными примѣчаніями изъяснилъ кн. А. Кантемиръ въ 1730 году. Спб., 1740; вт. изд., Спб., 1761; тр. изд., Спб., 1799.

[8в]) *Новое Киронаставленіе, или путешествія Кировы, съ приложенными разговорами о богословіи и баснотворствѣ древнихъ,* соч. Рамзеемъ. Пер. съ франц. Ав. Волковъ. 2 ч., М., 1765. Изд. вт., исправленное съ англ: *Новая Киропедія*, 2 ч., М., 1785.

— *Разсужденіе о героической поэмѣ, и о превосходствѣ творенія Телемака...* Пер. съ франц. М., 1787. Приложено также къ книгѣ: «Странств. Телемака», Спб., 1786, пер. съ франц. Захарова.

[8г]) *Михайла Монтаніевы Опыты.* Спб., 1762.

[8д]) *Воспитаніе дѣтей совершенное..* Пер. съ франц. С. Волчковъ. Спб., 1747; вт. изд., Спб., 1759; изд. тр., Спб., 1778.

— *Разсужденіе историческое о началѣ романовъ,* соч. *Гуэція, съ прибавленіемъ Беллегардова разговора о томъ, какую можно получить пользу отъ чтенія романовъ.* Пер. съ франц. М., 1783.

— *Христіанинъ истинный и честный человѣкъ, или соединеніе должностей христіанскихъ съ должностями житія гражданскаго..* Пер. съ франц. С. Волчковъ. Спб., 1762; изд. вт., Спб., 1770; изд. тр., М., 1780.

[9]) *Боссюэта Іакова Бенигна, епископа города Мо, Разговоръ о всеобщ. исторіи.* Пер. съ франц. капитанъ В. Наумовъ. 3 ч., М., 1761; вт. изд., М., 1774.

— *Боссюэта, Продолженіе всеобщей исторіи.* Пер. съ франц. В. Наумовъ. 2 ч., Спб., 1779—1785 (не Боссюэта).

[10]) *Исторія о перемѣнахъ, происходившихъ въ Швеціи, въ разсужденіи вѣры и правленія...* Пер. съ франц. Яковъ Козельскій. 2 ч., Спб., 1764—1765.

— *Исторія о перемѣнахъ, бывшихъ въ Римской республикѣ..* Пер. съ франц. И. Богдановичъ. 3 ч., Спб., 1771—1775.

[11]) *Исторія о римскихъ императорахъ, съ Августа до Константина В.* Пер. В. Тредьяковскаго. 4 т. Спб., 1767—1769.

[12]) *Исторія древняя о египтянахъ, кареагенянахъ, ассиріянахъ, вавилонянахъ, мидянахъ, персахъ, македонянахъ и о грекахъ. Соч. г. Ролленя.* Пер. съ франц. В. Тредьяковскій. 10 частей, съ картами. Спб., 1749—1762.

— *Исторія Римская.* Пер. съ франц. В. Тредьяковскій. 16 ч. Спб., 1761—1767.

Изъ другихъ сочиненій были переведены:

— *Прямая слава и истинное величество, изъ сочиненій г. Ролленя.* Пер. съ франц. А. Никольскій. М., 1783.

— *Способъ, которымъ можно учить и обучаться словеснымъ наукамъ.* Соч. г. Ролленя. Пер. съ франц. И. Крюковъ. 8 ч. Спб., 1783—1784. Вт. изд., 8 ч., Спб., 1789.

— *Неподражаемое витiиство св. Писанія, объясненное по нѣкоторымъ мѣстамъ разсужденіями г. Ролленя.* Пер. съ франц. А. Никольскій. М., 1780.

[13]) Брикнеръ, Ист. Екатерины II, т. I, Спб., 1885, стр. 60—62.

[14]) См. Языкова, Вольтеръ въ русской литературѣ. Древн. и Нов. Россія, 1878, № 9.

[14а]) *О воспитаніи дѣвицъ, соч. архіеп. Фенелона.* Пер. съ франц. И. Туманскій. Спб. 1763; вт. изд., М., 1788.

— *Доказательство о бытіи Бога, взятое изъ познанія натуры, а особливо изъ познанія человѣческаго...* Пер. съ франц. Павловъ, М., 1778. Друг. пер.: *Зрѣлище природы о существѣ Божіемъ...* Пер. съ франц. Хлоповъ. М., 1766.

— *Наставленіе для совѣсти государя, къ наученію Лудовика Французскаго, герцога Бургонскаго...* Пер. съ франц. Спб., 1773.

— *Описаніе жизни древнихъ философовъ, съ присовокупленіемъ отборнѣйшихъ ихъ мнѣній, системъ..* Пер. съ франц. М., 1788.

[14б]) *Опытъ нравоучит. философіи. соч. г. Мопертюи.* Спб., 1777.

[15]) *Записки Христины королевы шведской, съ примѣчаніями г. Д' Аламберта.* Пер. съ франц. М. Ковалинскій. Спб., 1774.

— *Собраніе разныхъ разсужденій, касающихся до словесныхъ наукъ, исторіи и философіи...* Пер. съ франц. протоіерей И. Харламовъ. Ч. I, Спб., 1784.

— *Сочиненія г. д' Аламберта, одного изъ славнѣйшихъ и рѣдкихъ писателей.* Пер. съ франц. Ч. I, М., 1790.

[16]) *Духъ Гельвеція...* Пер. съ франц. Тамбовъ, 1788.

[17]) *Логика аббата Кондильяка.* Пер. съ франц. А. Гронскій. Спб., 1792.

[18]) *Разсужденіе, удостоенное награжденія отъ Академіи Дижонской въ 1750 г., на вопросъ..., возстановленіе наукъ и художествъ способствовало ли ко исправленію нравовъ.* Пер. съ франц. М., 1767; вт. изд., М., 1787; нов. перев. М., 1792.

— *Новая Элоиза...* Пер. съ франц. ч. I, М., 1769; другой пер. ч. I—II. Спб., 1792.

— *Разсужденіе о началѣ и основаніи неравенства между людьми.* Пер. съ франц. М., 1770; изд. вт., М., 1782.

— *Размышленіе о величествѣ Божіемъ, о его промыслѣ и о человѣкѣ.* (переведено ок. 1770 г.).

— *Разсужденіе на вопросъ, какая добродѣтель есть самонужнѣйшая героямъ...* Пер. съ франц. М., 1770.

— *Сокращеніе, сдѣланное Руссо... изъ проэкта о вѣчномъ мирѣ, сочиненнаго абб де Сентъ-Піеромъ.* Пер. съ франц. Ип. Богдановичемъ. Спб., 1771.

— *О политич. экономіи, или о государственномъ благоучрежденіи* (изъ энциклопедіи). Спб., 1778.

— *Эмиль и Софія, или хорошо воспитанные любовники.* Пер. съ франц. М., 1779.

— *Гражданинъ, или разсужденіе о политической экономіи.* Изъ сочиненій Ж. Ж. Руссо. Пер. съ франц. Спб., 1787.

— *Исповѣданіе...* Пер. съ франц. 2 ч. М., 1797.

[19]) *Размышленія о причинахъ величества Римскаго народа и его упадка.* Спб, 1769.

— *Храмъ Книдійскій.* Спб., 1770; вт. изд., 1804.

— *О разумѣ законовъ.* Спб., 1775; вт. изд., Спб., 1800. Новый перев., 4 ч., М, 1809—1814.

— *Арсасъ и Исменія.* М, 1788; нов. пер, Спб., 1810.

— *Письма Персидскія.* Спб., 1789; нов. пер., Спб., 1792.

— *Лисимахъ,* пер. Башилова. Безъ года.

[20]) *Евгенія, ком. въ 5 д.,* пер. съ франц. Ник. Пушниковымъ. М., 1770; вт. изд., 1788.

— *Сивильской цирюльникъ, опера въ 4 д. г. Бомарше,* на рус. и итальян языкахъ. Спб.. 1780.

— *Фигарова женитьба, ком. въ 5 д.* Пер. съ франц. А. Лабзинымъ. М., 1787.

— *Сивильской цирюльникъ, или безполезная предосторожность, ком. въ 4 д.,* пер. съ франц. въ Ярославлѣ. Калуга, 1794.

[21]) *Сказки нравоучительныя г. Мармонтеля.* Перев. Павелъ Фонвизинъ. 2 ч., М., 1764 Вт. изд., 3 ч., М., 1788.

— *Красотка, прекрасная Лауретта.* М., 1765. Друг. перев., Спб., 1774.

— *Велизеръ, соч. Мармонтеля, переведенный съ французскаго на Волгѣ разными знатными особами.* М., 1768. Другой переводъ: *Велисарій...*, пер. Курбатова. М., 1769. Нов. изд: Спб., 1773; 1785 и др.

— *Щастливый разводъ.* Спб., 1769.

— *Щастливое семейство.* Спб., 1769.

— *Дружество испытанное, нрав. сказка...* Спб., 1771.

— *Алцестъ, излѣчившійся отъ своенравія, нравоуч. сказка...* Пер. съ франц. Спб., 1777.

— *Способъ, извѣданный опытомъ, превратить вѣтренную и упрямую жену въ постоянную и послушную.* Спб., 1777.

— *Инки, или разрушеніе Перуанской имперіи.* 2 ч., М. и Спб., 1778. Вт. изд., М., 1782. Тр. изд., М., 1801.

— *Земира и Азоръ.* М., 1783; др. перев. Спб., 1784.

— *Добродѣтель сельская, нрав. сказка* М. 1788.

— *Заблужденіе нѣкотораго добродушнаго отца.* Изъ сочиненій г. Мармонтеля. М., 1792.

— *Новыя повѣсти,* пер. Карамзинъ. 2 ч., М., 1794; вт. изд., 2 ч. М., 1815. Часть третья, Спб., 1800 (перев. Татаринова). Смоленскъ, 1805.

[22]) *Женевалъ, или французскій Барневельтъ, драма въ 5 д., соч. г. Мерсье.* Пер. съ франц. А. Пушкинъ. М., 1778; изд. вт., М., 1783.

— *Сны философическіе.* 2 ч., М., 1780—1781.

— *Бѣглецъ, драма въ 5 д.* Пер. съ франц. Марья Сушкова. М., 1784.

— *Укеусникъ, драма въ 3 д.* Пер. съ франц. *К. Н. Г.* М., 1785.

— *Картина Парижа.* Ч. I, Спб., 1786.

— *Симпанія, нравоучит. исторія.* М., 1787.

— *Судья, драма..* Пер. съ франц. А. Лабзинъ. М., 1788.

— *Мой спальной колпакъ.* Спб., 1789.

— *Наталья, драма въ 4 д.* Пер. съ франц. Каргопольскаго. М., 1794.

— *Ромео и Юлія, взятая изъ Шакеспировыхъ сочиненій, г. Мерсье, драма въ 5 д.* Пер. съ франц. М., 1795.

[23]) *О состояніи Азіи и новѣйшихъ перемѣнахъ Китая, Японіи и пр.* Спб., 1784.

— *Всеобщая исторія.* 9 ч., М., 1785; вт. изд., М., 1805—1806.

— *Начальныя основанія Англинской исторіи.* 3 ч., Спб., 1786.

— *Начальн. основанія Французской исторіи.* 3 ч., Спб., 1788.

[24]) *Естественная всеобщая и частная исторія графа де Бюффона, преложенная съ франц. г. академиками.* 10 частей. Спб., 1789—1808.

[25]) *Опытъ о человѣкѣ, соч. г. Попія...* М., 1757; вт. изд. М., 1763; тр. изд., М., 1787; четв. изд., Яссы, 1791. Нов. пер., М., 1799.

— *Похищенный локонъ волосовъ,* соч. г. Попе... М., 1761.

— *Храмъ славы, соч. г. Попія...* М., 1761; др. пер. Спб., 1790.

[26]) *Вольный домъ, или Шотландка, ком. въ 5 д. г. Юма.* Пер. съ франц. А. Протасовымъ. М., 1763.

— *Наука къ познанію роскоши, соч. г. Гюма.* Пер. съ франц. Левченковъ. Спб., 1776.

[27]) *Путешествіе Самуила Брунта въ Каклогалинію, или ѣзда въ землю пѣтуховъ, а оттуда въ луну, соч. г. Свифта.* Пер. съ нѣм. Спб., 1770; вт. изд., М., 1788.

— *Путешествія Гулливеровы въ Лилипутъ, Бродинягу, Лапуту, Бальнибарбы, Гуингмскую страну, или къ лошадямъ. Сатирическое сочиненіе...* Пер. съ франц. 4 ч., Спб., 1772—1773; вт. изд., М. 1780.

[28]) *Повѣсть о Томасѣ Іонесѣ, или найденышъ, соч. г. Фильдинга.* Пер. съ франц. Харламовъ. 4 ч., Спб., 1770—1771; вт. изд. 4 ч., М., 1787.

— *Амелія, повѣсть. Перев. съ франц.* 3 ч. Спб., 1772—1775.

— *Приключенія Іосифа Андревса и пріятеля его Авраама Адамса.* Пер. съ нѣм. П. Сытенской. 2 ч. Спб., 1772; вт. изд., 2 ч., Спб., 1788.

— *Дѣянія Іоанаѳана Вильда Великаго.* Пер. съ нѣм. Ив. Сытенской. 2 ч., Спб., 1772; вт. изд., Спб., 1786.

—*Способъ быть добродѣтельнымъ, или достопамятныя похожденія кавалера Кильпара...* Пер. съ нѣм., Спб., 1776.

— *Похожденіе Родрика Рандома.* Пер. съ франц. 2 ч. М., 1788.

— *Нещастія отъ чувствительности.* Пер. съ франц. 2 ч. М., 1791.

— *Давыдъ простой, или истинный другъ, нравоучит. повѣсть.* Пер. съ франц. 3 ч. Спб., 1796.

[29]) *Легкомысловъ, получившій здравый разсудокъ, отрывки ироидъ, и стихотвореніе г. Адиссона на Ризвикскій миръ.* Пер. съ франц. Спб., 1777.

[30]) *Священникъ Вакефильдской, исторія, англинское сочиненіе г. Гольдсмита.* Пер. съ нѣм. Н. Страховъ. 2 ч., М., 1786.

[31]) *Путешествіе Гумфрія Клинкера, соч. г. Смоллета.* Пер. съ нѣм. 3 ч., Спб., 1789.

[32]) *Письма Іорика къ Элизѣ съ отвѣтами, соч. Л. Стерна.* Пер. Апухтина, М., 1789. Др. пер., М., 1795.

— *Путешествіе Стерново по Франціи и Италіи...* Пер. съ англ. А. Колмаковъ, а письма съ франц. *А. Л.* 3 ч., Спб., 1793.

[33]) *Памела, или награжденная добродѣтель, англинское твореніе г. Ричардсона...* Пер. съ франц. Чертковъ. 4 ч. Спб., 1787. Нов. пер., 4 ч. Смоленскъ, 1796.

— *Достопамятная жизнь дѣвицы Клариссы Гарловъ...* Пер. съ франц. Н. Осиповъ и Петръ Килд. 6 ч., Спб., 1791.

— *Аглійскія письма, или исторія кавалера Грандиссона.* Пер. съ франц. 8 ч. Спб.. 1793.

[34]) *Поэмы древнихъ бардовъ. Изъ Оссіана.* Перев. *А. Д.* Спб., 1788.

— *Оссіанъ, сынъ Фингаловъ, бардъ III вѣка.* пер. съ франц. Е. Костровъ. 2 ч., М., 1792.

[35]) *Страшный судъ, поэма въ 3 пѣсняхъ.*. Пер. съ франц. Спб., 1777; вт. изд., М., 1787.

— *Мысли нощныя*.. Пер. съ франц., Спб., 1778.

— *Избекъ, или добродѣтельный богачъ. Изъ сочиненій г. Юнга.* Пер. съ франц. Спб., 1782.

— *Торжество вѣры надъ любовью*... Пер. съ франц. М., 1780; вт. изд. М., 1787.

— *Плачъ, или нощныя размышленія о жизни, смерти и безсмертіи, Эдуарда Юнга въ осьми нощахъ помѣщенныя, съ присовокупленіемъ двухъ поэмъ: 1) Страшный судъ, 2) Торжество вѣры надъ любовью, творенія сего же писателя.* Пер. съ нѣм. А. Кутузовъ. 2 ч., 1785; вт. изд., 2 ч., М., 1799; изд. тр., Спб., 1812.

— *Вопли*... Пер. съ франц. Спб., 1791.

— *Духъ, или избранныя мысли г. Юнга, извлеченный изъ нощныхъ его размышленій.* Пер. съ франц. Андреевъ. Спб., 1798.

[36]) *Истолкованіе англинскихъ законовъ г. Блакстона.* Пер. съ англ. языка по высочайшему повелѣнію С. Десницкій. 3 ч., М., 1780—1782.

[37]) *Наука военная изъ книги: Безпечный Философъ, соч. Фридриха II, короля прусскаго. Изъ русской прозы переложилъ стихами В. Майковъ.* М., 1767. Вт. изд., М., 1787.

— *Разсужденіе о причинахъ установленія и уничтоженія законовъ.* Пер. съ франц. Спб., 1769.

— *Исторія Бранденбургская, съ тремя разсужденіями о правахъ, обычаяхъ и успѣхахъ человѣческаго разума, о суевѣріи и законѣ, и о причинахъ установленія или уничтоженія законовъ*... Пер. съ франц. Анною Велешевою-Волынцовою. М., 1770.

— *Антимахіавель, или опытъ возраженія на Махіавелеву науку о образѣ государственнаго правленія*.. Пер. съ франц. Хорошкевичъ. Спб., 1779.

— *Письма о любви къ отечеству, или переписка Анапистемона и Филопатроса*... Пер. съ франц. *И. Л.* Спб., 1779.

— *О наукахъ (нѣмецкихъ словесныхъ), ихъ недостаткахъ, тому причинахъ, и какими способами оныя исправлены быть могутъ.* М., 1781.

— *Слово похвальное Вольтеру*.. Пер. съ франц. Спб., 1783.

— *Оставшіяся творенія Фридриха II*.. Пер. съ франц. Т. Киріакомъ, Ник. Осиповымъ и др. 8 ч., Спб., 1789—1791; вт. изд., I—II ч., 1794.

— *Мысли послѣднія*... Пер. съ франц. *Д. В.* Спб., 1789.

— *Наказъ... племяннику своему*.. Пер. съ франц. Н. Саблуковъ. Спб., 1789.

— *Разсужденіе... о свойствѣ и воинскихъ дарованіяхъ Карла XII.* Пер. съ франц., М., 1789.

— *Исторія моего времени*. Пер. съ франц. Т. Киріакъ. 2 ч., Спб., 1791.

— *Утренники Короля Прусскаго, писанные имъ самимъ*. Пер. съ франц.. Спб., 1792.

— *Переписка Фридриха II съ наставникомъ своимъ Дюганомъ Жандюномъ*. Пер. съ франц. г. Ребиндеръ. Спб., 1794.

[38]) *Житіе страдавшаго за истину*. Изъ Рабенеровыхъ сочиненій. Спб., 1763.

— *Извѣстіе о обществѣ злыми своими женами мучащихся мужей*... Пер. съ нѣм. изъ сатиръ г. Рабенера. Спб., 1764.

— *Собраніе сатирическихъ сочиненій г. Рабенера*. Пер. съ нѣмец. 8 ч. М., 1792—1794.

[39]) *Жизнь шведской графини, соч. г. Геллерта*. Пер. съ нѣм. И. Румянцевъ. 2 ч., М., 1766—1768. Др. пер. П. Никифорова. 2 ч., Тамбовъ, 1792.

— *Богомолка, ком. въ 3 д*.., пер. съ нѣм. М. Матинскаго. Спб., 1774.

— *Нравоученіе г. Геллерта*. Пер. съ нѣм. М. Протопоповъ. 2 ч., М., 1775—1777.

— *Басни и сказки*.. Пер. съ нѣм. М. Матинскій, въ прозѣ. 2 ч , Спб., 1775. Вт. изд., Спб., 1788.

— *Утѣшительныя разсужденія противъ немощной и болѣзненной жизни*... Пер. съ нѣм. А. Шумлянскій. М., 1773. Вт. изд., М., 1786.

— *Горячая любовь двухъ сестеръ, ком. въ 3 д. г. Геллерта*. Пер. съ нѣм. Ст. Поручкинъ. Спб., 1775.

— *Женская хитрость, ком. въ 1 д*... Пер. съ нѣм. Ст. Поручкинъ. Спб., 1775.

— *Пѣсни духовныя..., переложилъ стихами старецъ Аполлосъ*. М., 1778. Вт. изд., М., 1781.

— *О нравственномъ воспитаніи дѣтей*... Пер. съ франц. М., 1787.

— *Разсужденіе о томъ, для чего вредно знать о будущей судьбинѣ*... Пер. съ нѣм. Мод. Бакунинъ. М., 1787.

— *Щастіе истинное и ложное*.. Пер. съ нѣм., М., 1799.

— *Наставленіе отъ отца къ сыну при отпускѣ его въ университетъ*... Пер. съ нѣм. Борисовъ. М., 1799.

[40]) *Свойства забавъ и увеселеній человѣческихъ, соч. г. Галлера*. Пер. съ нѣм. Спб., 1781.

— *Плоды трудовъ прозаическихъ сочиненій Барона Галлера*... Перевелъ съ нѣмецкаго Н. Поливановъ. 2 ч., Спб., 1783—1784.

— *О происхожденіи зла, твореніе великаго Галлера*. Пер. съ нѣм. Н. Карамзинъ. М., 1786. Нов. пер. стихами,—М., 1789.

— *Приключенія (достопамятныя и любопытныя) Алфреда, короля англосаксонскаго*... Пер. съ франц. Е. Руничъ. М., 1788.

— *Фабій и Катонъ, или образъ республиканскаго правленія*... Пер. съ франц. Полонскій. Спб., 1793.

— *Подвиги (увѣнчанные) людей мудрыхъ и великихъ...* Пер. съ нѣм. Н. Поливановъ. 2 ч., Спб., 1793.

— *Письма... о важнѣйшихъ истинахъ премудраго божественнаго промысла.* Пер. съ нѣм. М., 1799.

[41]) *Ламехъ и Цилла, идиллія г. Геснера...* Пер. съ нѣм. Спб., 1774.

— *Авелева смерть, поэма въ 5 пѣсняхъ...* Пер. съ нѣм. Захаровъ. М., 1780; изд. вт., М., Спб., 1781. Другой переводъ *Г. К.* М., 1799.

— *Златой вѣкъ Дафниса, или природная любовь пастуха и пастушки, основанная на самой чистой сельской добродѣтели.* Изъ сочиненій г. Геснера. Пер. съ франц. М., 1781; изд. вт., М., 1788. Другой пер.: Золотой вѣкъ, Дафнисъ, или любовь, сопряженная природою пастуха съ пастушкой... Пер. съ франц. Спб., 1783.

— *Деревянная нога, швейцарская идиллія...* Пер. съ нѣм. Н. Карамзинъ. Спб., 1783.

— *Лаура, или поцѣлуй въ своихъ дѣйствіяхъ...* Пер. съ нѣм. М., 1784.

— *Первобытный мореплаватель, поэма въ 11 пѣсняхъ...* Пер. съ нѣм. Д. Болтинъ. М., 1784.

— *Дафнисъ, съ прибавленіемъ двухъ пастушескихъ комедій: Алцимнъ и Евандръ, соч. г. Геснера.* Пер. съ нѣм. А. Шишковъ. Спб., 1785.

— *Идилліи и пастушьи поэмы..* Пер. съ нѣм. Левшинъ. М., 1786.

— *Новая Астрея. Изъ сочиненій...* Пер. съ франц. М., 1789.

[42]) *Новый Донъ Кишотъ, или чудныя похожденія Дона Силвіо де Розалвы, соч. Виланда.* Пер. съ нѣм. Сапожниковъ. 2 ч., М., 1782.

— *Комбабъ.* Пер. съ нѣм. М., 1783.

— *Поэма Музаріона, или философія грацій, въ 3 пѣсняхъ.* М., 1784.

— *Агатонъ, или картина философическая нравовъ и обычаевъ греческихъ.* Пер. съ нѣм. Сапожниковъ. 4 ч., М., 1785.

— *Поэма Оберонъ, царь волшебниковъ, въ 14 пѣсняхъ.* Пер. съ нѣм. М., 1787.

— *Исторія Абдеритовъ.* Пер. съ нѣм. Гавриловъ. 4 ч., М., 1793.

— *Исторія дѣвицы Стернгеймъ.* Пер. съ нѣм. В. И. 2 ч., М.

— *Пиѳагоровы ученицы.* Пер. съ нѣм. Я. Д. Спб., 1797.

[43]) *Мессія, поэма.* Пер. съ нѣм. А. М. Кутузовъ. 2 ч., М., 1785—1787.

[44]) *Страсти молодаго Вертера, соч. г. Гетте.* Пер. съ нѣм. Ѳ. Галченковымъ. 2 ч., Спб., 1781. Др. пер., «исправленный», И. Виноградова. 2 ч. Спб., 1798.

[45]) *Клавиго,* траг. въ 5 д... Пер. съ нѣм. прозою. Спб., 1780.

[46]) *Басни нравоучительныя г. Голберга, съ изъясненіями.* Пер. съ нѣм. Д. Фонвизинъ, прозою. М., 1760; вт. изд., съ прибавленіемъ новыхъ басенъ, М., 1765; изд. тр., М. 1788.

— *Генрихъ и Пернилла, ком. въ 3 д.* Пер. съ нѣм. А. Нартовъ. Спб., 1760.

— *Климово подземное путешествіе.* Пер. съ лат. Спб., 1762.

— *Артоксерксъ, трагед. въ 5 д. и при ней комедія Генрихъ и Пернилла и Привидѣніе съ барабаномъ.* Пер. съ нѣм. прозою. Спб., 1764.

— *Исторія Датская...* Пер. съ нѣм., съ примѣчаніями Я. Козельскаго. 2 ч., Спб., 1765—1766.

— *Превращенный мужикъ, комедія въ 3 д...* Пер. съ нѣм. А. Нартовъ. Спб., 1765.

— *Плутусъ, или споръ между бѣдностью и богатствомъ, ком. въ 3 д. г. Голберга.* Пер. съ нѣм. А. Нартовъ. Спб., 1766.

— *Сокращеніе универсальной исторіи...* Пер. съ лат. И. Барковъ. Спб. 1766; изд. вт., Спб., 1799.

— *Сравненіе житія и дѣлъ разныхъ великихъ героевъ и знаменитыхъ мужей, по примѣру Плутархову, соч. г. Гоблера.* Пер. съ нѣм. С. Веденскимъ. Ч. I, Спб., 1766.

— *Исторія разныхъ героинь и другихъ славныхъ женъ, съ примѣчаніями, соч. г. Голберга.* Пер. съ нѣм. Вл. Золотницкій. 2 ч., Спб., 1767—1768.

— *Гордость и бѣдность, ком. въ 5 д...* Пер. съ нѣм. И. Кропотовымъ. М., 1774; изд. вт., М., 1788.

— *Письмо бар. Голберга къ пріятелю о сравненіи Александра В. съ Карломъ XII, кор. шведскимъ.* Спб., 1788.

[47]) *Похожденіе Жильблаза де Сантилланы, г. Лесажа.* 4 ч. Спб., 1754; изд. вт., Спб., 1761; изд. тр., Спб., 1768; изд. четв. Спб., 1775; изд. пят., Спб., 1783; изд. шест., Спб., 1792, и т. д.

— *Баккалавръ Саламанскій,* 2 ч. Спб., 1763.

— *Похожденіе Естеванилла Гонзалеца,* 2 ч., Спб., 1765.

— *Зулима,* Спб., 1768.

— *Повѣсть о хромоногомъ бѣсѣ.* Спб., 1775; изд. вт., Спб., 1785; изд. тр., Спб., 1791.

— *Увеселительн. приключенія Гусмана д' Альфарата.* 1 ч., М., 1787.

[48]) *Приключенія Маркиза Г., или жизнь благороднаго человѣка, оставившаго свѣтъ...* 6 ч. Спб., 1756—1764 (пер. И. Елагина и Вл. Лукина). Вт. изд., 6 ч., Спб., 1780; тр. изд., Спб., 1793; части 7—8, М., 1790.

— *Философъ англинской, или житіе Клевеланда...* 9 ч., Спб., 1760—1771; М., 1785. Вт. изд., Спб., 1791—92, 9 ч.

— *Настоятель Килеринской, нравоучит. исторія..., украшенная всѣмъ тѣмъ, что можетъ чтеніе оной сдѣлать полезнымъ и пріятнымъ...* 6 ч., Спб., 1765—1781.

— *Исторія о странствованіяхъ вообще по всѣмъ краямъ земнаго круга, соч. г. Прево, сокращенная Ла-Гарпомъ...* Пер. М. Веревкинъ, 22 части, М., 1782—1787.

— *Собраніе трогательныхъ повѣстей, любопытныхъ анекдотовъ* и пр. 3 ч., М., 1798.

[50]) *Шутливая повѣсть Скаррона.* Пер. съ нѣм. 2 ч. Спб., 1763.
— *Трагикомическія новости...* Пер. съ франц. 2 ч., М., 1783.

[51]) *Повѣсть о страстяхъ, или приключенія Шрупа, соч. г. Тусеня.* Пер. съ франц. П. Полонской. 2 ч., Спб., 1767; изд. вт., Спб., 1789.

— *Судьба человѣческая, или повѣсть кавалера Дамьера.* Пер. съ нѣм. Богаевскій. 2 ч., Спб., 1768.

[52]) *Щастливый флорентинецъ, соч. г. д'Аржанса...* Пер. съ франц. Спб., 1763.

— *Блаженство, разговоры животныхъ.* Пер. съ франц. Спб., 1767.

— *О жизни блаженной и благополучной, съ прибавленіемъ разсужденія о пріятной и общежительной жизни жъ, изъ философіи здраваго разсужденія г. Маркиза д' Аржанса.* Пер. съ нѣм. фон-Ларской. М., 1768.

— *Приключеніе кавалера Д***, истинная повѣсть...* Пер. съ франц. Спб., 1772.

— *Философъ влюбленный, или приключенія гр Момжани...* Пер. съ франц. *Н. Н.* М., 1781.

— *Маркизъ Мирмонъ, или уединенный философъ...* Пер. съ франц. Спб., 1783.

[53]) *Приключенія Шевалье де Фобласа, соч. Лувета де Кувре.* Пер. съ франц. 13 ч., Спб., 1792—1796. Другой пер.—4 ч., М., 1793.

— *Емилія Вармонтъ, или разводъ необходимый, или любовь священника Севина.* Соч. Ф о б л а с а (sic!). Пер. съ франц. *И. Л.* 1 ч., Спб., 1793. Другой перев.—3 ч., Спб., 1805.

[53а]) *Эстелла, пастушеской романъ, соч. Флоріана.* Спб., 1786. Др. пер.: М., 1789.

— *Нума Помпилій, второй царь римскій.* Пер. съ фр. П. Вельяминовъ. Спб., 1788. Друг. пер.: Г. Шиповскаго—Спб., 1788. Нов. изд.—Спб., 1799.

— *Еліезеръ и Нефѳалимъ, поэма...* Пер. съ франц. Спб.

— *Шесть новостей.* Пер. съ фр. Спб., 1788.

— *Новости греческія, испанскія, португальскія, французскія и нѣмецкія.* Пер. съ франц. 2 ч., М., 1789

— *Галатея, пастушеская повѣсть.* Пер. съ франц. М., 1790. Др. пер. Спб. 1799.

— *Гонзальвъ Кордуанскій, или возвращенная Гренада. твореніе г. Флоріана.* Пер. Г. Шиповскій. 3 ч., Спб., 1795; изд. вт., Спб., 1818. Болѣе ранній переводъ Н. Осипова—2 ч., Спб., 1794.

— *Флоріановы повѣсти,* издалъ Вышеславцовъ. 2 ч., М., 1798—1800.

[54]) *Сидней и Силли, или благодѣяніе и благодарость, англ. повѣсть. Изъ сочиненій г. Арнода.* Пер. съ франц. Д. И. Фонвизинъ. (Здѣсь же *Посланіе слугамъ Ванькѣ и Петрушкѣ*). М., 1769; вт. изд., М., 1787.

— *Анна Белла, англ. повѣсть.* Пер. съ франц. Спб., 1774.

— *Сказка и повѣсть. Изъ сочиненій г. Арнода.* Пер. съ франц. М., 1778.

— *Эльвиръ и Зенотемисъ...* Пер. съ франц. Костровъ. М., 1779.

— *Адельсонъ и Сальвиній, англ. пов.* Пер. съ франц. М., 1779.

— *Либманъ, нѣм. повѣсть, изъ сочиненій...* Пер. съ франц. Смирновъ. Спб., 1781.

— *Розалія, достопамятная новость.* Изъ сочиненій... Пер. съ франц. Смирнова. Спб., 1781.

— *Луція и Меланія, или двѣ великодушныя сестры...* Пер. съ франц. Оболенскій. М., 1782.

— *Опасность городской жизни, франц. повѣсть.* Пер. съ франц. Грибовскій. Спб., 1784.

— *Базиль, франц. повѣсть.* Пер. съ франц. М., 1785.

— *Повѣсть истинная и трогающая Карла и Амаліи, изъ сочиненій...* Пер. съ франц. М., 1787.

— *Гермель, или можетъ ли додродѣтельная жена совершенно положиться на постоянство своего мужа...* Пер. съ франц. Спб., 1783.

— *Нансы, или пагубныя слѣдствія ревнивости и безразсудной вѣтренности.* Пер. съ франц. М. Смирновъ. Спб., 1783.

— *Успокоеніе чувствительнаго человѣка, или собраніе сочиненій г. Арнода.* Пер. съ франц. 2 ч., М., 1789.

— *Вальмье, истинное приключеніе..* Пер. съ франц. И. Захаровъ. Спб., 1790.

— *Меринваль, трагедія въ 5 д.* Пер. съ франц. прозою Кряжевъ. М., 1792.

— *Салисбурій, историч. повѣсть.* Перев. съ франц. Спб., 1792.

— *Принцъ Бретанскій, истинная повѣсть.* Изъ сочиненій... Пер. съ франц. М., 1793.

— *Варбекъ, англ. повѣсть, основанная на историч. истинѣ.* Пер. съ франц. Тамбовъ, 1793.

— *Аеинаида, историч. отрывокъ.* Пер. съ франц. М., 1794.

— *Сидней и Волсанъ, англ. повѣсть.* Пер. съ франц. М. 1795.

— *Сокращенности достопамятныхъ произшествій, или чтеніе по сердцу чувствительнаго человѣка.* Пер. съ франц. М., 1795.

— *Жестокая истина, или неосторожный опытъ.* Пер. съ франц Кунинъ. М., 1796.

— *Плачъ Іереміи Пророка, въ 6 пѣсняхъ.* Пер. съ франц. прозою архимандритъ Анастасій. Спб., 1797. Друг. перев.—Спб.. 1814.

[55]) *О графѣ Оксфордскомъ и о миладіи Гербіи. Англинская повѣсть, соч. г-жи Гомецъ.* Пер. съ франц Анна Вельяшева-Волынцева Спб., 1764.

— *Сила родства, испанская повѣсть...* Пер. съ франц. П. фонъ Визинъ М., 1764.

— *Сто новыхъ новостей...* Пер. съ франц. 10 ч., Спб., 1765—1768.

— *Нестроенія отъ ненависти происходящія, повѣсть*... Пер. съ франц. Спб. 1765.

— *Нещастіе одного бываетъ другимъ щастіемъ, повѣсть. Изъ сочиненій*... Пер. съ франц. Спб., 1765.

— *Аделаида, королева Лонгобардская, повѣсть*... Пер. съ франц. Спб., 1766.

— *Удалерикъ, принцъ Богемскій, повѣсть*... Спб., 1766.

— *Любовникъ соперникъ, или повѣренный самъ себѣ, повѣсть*... Пер. съ франц. Спб., 1766.

— *Исторія о несчастномъ королѣ саніскомъ Заморѣ и о супругѣ его, храброй индѣйской королевѣ Клементинѣ*... Пер. съ франц. 2 ч., М., 1789.

[56]) *Притворный Нинъ, или узнанная Семирамида, драма съ 3 д. съ музыкою, соч. г. Метастазія.* Пер. съ итальян. И. Медвѣдевъ. Спб., 1737.

— *Артаксерксъ, драма въ 3 д*... Пер. съ итальян. И. Медвѣдевъ. Спб., 1738.

— *Милосердіе Титово, опера въ 3 д. съ прологомъ*... Пер. съ ит. И. Меркурьева. Спб , 1742.

— *Сиціонъ, опера*... Спб., 1745.

— *Царь пастухъ, опера въ 3 д*... Спб., 1752.

— *Александръ въ Индіи*, опера... Спб., 1755.

— *Сирой, опера въ 3 д*... Спб., 1760.

— *Узнанная Семирамида, опера въ 3 д*... Спб., 1760.

— *Антигонъ, опера*... Спб., 1760.

— *Артаксерксъ, опера.* Спб., 1766.

— *Оставленная Дидона, опера.* Спб., 1766.

— *Свобода, или безпристрастіе*, ода... М., 1773.

— *Нитета, опера.* Спб., 1777.

— *Пдиска, стихотвореніе*... Пер. съ ит. Спб., 1778.

— *Ахиллъ во Сцирѣ, опера въ 3 д*...Пер. съ итальян. Спб., 1778.

— *Димитрій, опера.* Спб., 1779.

— *Алкидъ при распутіи*, опера... Спб., 1780.

— *Іосифъ, узнанный своими братьями, драма, взятая изъ св. Писанія*... Пер. съ итальян. Спб., 1783.

— *Страсти Іисуса Христа, духовное сочиненіе*... Спб., 1783.

[57]) *Селевкъ, оп. въ 3 д. г. Бонеки.* Пер. съ итальян. Спб., 1744.

— *Митридатъ, опера въ 3 д*... Пер. съ итальян. Адсуфьева. Спб., 1747.

— *Беллерофонтъ, опера, соч. придворнаго стихотворца Бонеки.* Съ итальян. Спб., 1750.

— *Евдоксія вѣнчанная, или Ѳеодосій Вторый, въ 3 д. опера, соч. Бонекія.* Пер. съ итальян. Адсуфьевымъ. Спб., 1751.

[58]) *Скупой, ком. въ 5 д. г. Мольера.* Пер. съ франц. И. Кропотовымъ. М., 1757; вт. изд., М., 1788.

— *Тартюфъ, или лицемѣръ, ком. въ 5 д*... Пер. съ франц. И. Кропотовымъ. М., 1757; вт. изд., М., 1788. Другой пер.: *Ханжеевъ.* М., 1809.

— *Школа женъ, ком. въ 3 д...* Пер. И. Кропотовымъ. М., 1757; вт. изд., М., 1788.

— *Школа мужей, ком. въ 3 д..* Пер. И. Кропотовымъ. М., 1757; вт. изд., М., 1788.

— *Амфитріонъ, ком. въ 3 д.* Пер. съ франц И. Свистуновъ. Спб., 1761. Вт. изд., М., 1788.

— *Сицилiянецъ, ком. въ 1 д..* Спб., 1766; вт. изд., М., 1788.

— *Жоржъ Дандинъ, или въ смятеніе приведенный мужъ, ком. въ 3 д...* Пер. Ив Чаадаевъ. М., 1775; вт. изд., М., 1788.

— *Принужденная женитьба.* М., 1779.

— *Мизантропъ.* М. 1788.

— *Мѣщанинъ во дворянствѣ.* М., 1788.

— *Лѣкарь по неволѣ.* М., 1788.

[59]) *Оракулъ, ком. въ 1 д. г. Сенъ-Фуа.* Съ франц. Спб., 1759.

— *Девкаліонъ и Пирра, ком. въ 1 д...* Пер. съ фр. М. Поповъ. Спб., 1765.

— *Двѣ турецкія вдовы, ком. въ 1 д...* Пер. съ франц. *А. П.* Спб., 1775.

— *Сильфъ, ком. въ 1 д...* Пер. съ фран '. Вельяшевъ-Волынцевъ. М., 1782.

[60]) *Побочный сынъ, или искушеніе добродѣтели, комедія г. Дидерота, въ 5 д.* Съ франц. Спб. 1765; изд. вт., М., 1788. Другой переводъ: *Побочный сынъ, или испытаніе добродѣтели, драма въ 5 д., соч. г. Дидерота.* Пер. съ франц. Спб., 1798.

— *Чадолюбивый отецъ, ком. въ 5 д...* Пер. съ франц. Спб., 1765; изд. вт., М., 1788.

— *Мщеніе удивительное одной женщины, нравоучит. повѣсть...* Пер. съ франц. М., 1796.

[61]) *Молодой ученой, ком. въ 3 д. г. Лессинга.* Пер. съ нѣм. А. Нартовъ. Спб., 1765.

— *Кладъ, ком. въ 1 д. г. Лессинга.* Вольный переводъ съ нѣм. Спб., 1779; изд. вт., М., 1788.

— *Солдатское щастье, ком. въ 5 д...* Переложилъ съ нѣмецкаго на россійскіе нравы *И. З.* М., 1779.

[62]) *Менехмы, или близнецы, ком въ 5 д. г. Реньяра.* Съ франц. Спб., 1763.

— *Задумчивый, ком, въ 5 д.* Съ франц. Спб., 1769.

— *Возвращеніе нечаянное,* ком. въ 1 д, съ франц. М. 1779.

— *Серенада,* ком. М., 1788.

[63]) *Есѳирь.* Пер. прозою. М., 1783; втор. пер. стихами, М., 1795.

— *Аѳалія.* Пер. прозою. М., 1784.

— *Андромаха.* Пер. съ франц. Хвостовъ. Спб., 1794.

— *Ифигенія,* пер. съ франц. стихами. М., 1796.

[65]) *Вотъ каково имѣть корзину и бѣлье. Вольное преложеніе изъ Шакеспира.* Спб., 1786.

— *Жизнь и смерть Ричарда III, трагедія г. Шекспира.* Пер. съ франц., прозою. Спб., 1787.

— *Юлій Цезарь.* Пер. съ англ., прозою. М., 1787.

[67]) *Разбойники, траг. въ 5 д. г. Шиллера.* Пер. съ нѣм., прозою, Н. Сандуновъ. М., 1793.

[69]) *Честной преступникъ, или дѣтская къ родителямъ любовь. Ком. въ 5 д. г. Фалбриджа.* Пер. съ франц. Ив. Дмитревскимъ. Спб., 1772.

[70]) *Притворная невѣрность, комедія въ 1 д.,* преложена на россійскіе нравы изъ соч. г. Барте. Спб., 1772.

[71]) *Опекунъ обманутъ, битъ и доволенъ, ком. въ 1 д. г. д'Анкура.* Съ франц. Спб., 1779; изд. вт., М., 1788.

[72]) *Разумный вертопрахъ, ком. въ 3 д. г. Буаси.* Съ фр. Спб., 1768.

— *Французы въ Лондонѣ, ком. въ 1 д. г. Буаси.* Пер. съ франц. Пелагеею Вельяшевою-Волынцовою. М., 1782.

[73]) *Житія славныхъ въ древности мужей.* 2 ч., Спб., 1765.

— *Наставленіе Плутарха о дѣтоводствѣ, или воспитаніи дѣтей.* Спб., 1771.

— *Лучи мудрости, или нравоучительныя и полезныя разсужденія...* 2 ч., М., 1786.

— *Нравоучительное слово о непристойномъ любопытствѣ...* Спб., 1786.

— *Нравственныя и философическія сочиненія, съ пріобщеніемъ апофегматовъ разныхъ народовъ.* ч. I., Спб., 1789.

[74]) *Гомерова Ватрахоміомахія, т. е. война мышей и лягушекъ.* Пер. съ лат. В. Рубанъ. Спб., 1772; вт. изд., Спб., 1788.

— *Гомерова Иліада, въ 24 п.* Пер. съ греч. прозою П. Екимовъ. 2 ч., Спб., 1776—1778. Другой переводъ первыхъ 6-ти пѣсенъ съ греч., стихами, Е. Кострова. Спб., 1787.

[75]) *Первая рѣчь Демосѳена противъ Филиппа...* Спб., 1776.

— *Рѣчь Демосѳена о вѣнцѣ..* Пер. съ греч. Е. Пономарева. М., 1784.

[76]) *Творенія велемудраго Платона.* Пер. съ еллино-греческаго свящ. Ив. Сидоровскимъ и М. Пахомовымъ. 3 ч., въ 4 кн. Спб., 1780—1785.

[77]) *Разсужденія Аристотелевы о добродѣтеляхъ и порокахъ.* Перев. съ лат. Спб., 1787.

[78]) *Феофраста, О свойствѣ нравовъ человѣческихъ.* Пер. съ лат. Спб., 1772.

[79]) *Исократа, аѳинейскаго оратора и философа, Политическія рѣчи о должностяхъ..* Пер. И. Дмитревскій. Спб., 1789.

[80]) *Стихотворенія Сафы, лесбійскія стихотворицы, съ ея жизнью и присовокупленіемъ пѣсній изъ Анакреона и другихъ.* Пер. съ греческ. И. Виноградовъ. Спб., 1792.

— *Анакреоновы стихотворенія.* Перевелъ Николай Львовъ. Съ греч. подлинникомъ. Спб., 1798.

[81]) *Стихотворенія Сафы* и пр. (См. выше). Спб., 1792.

[82]) *Салустія Криспа двѣ войны: Катилинина и Югурѳина.* Пер. съ лат. В. Крамаренковъ. Спб., 1769.

[83]) *Эней, героич. поэма.* Пер. съ лат. стихами В. Петровъ, три первыя пѣсни. Спб., 1770; изд. вт., въ 12 пѣсняхъ. Спб., 1781—1786. Др. пер. В. Санковскаго, 3 первыя пѣсни. Спб., 1776.

— *Георгики, или о земледѣліи.* Пер. съ лат. Рубаномъ. Спб., 1777.

[84]) *Светонія Танквилла, Жизни первыхъ 12 цесарей римскихъ..* Пер. съ лат. М., Ильинскій. 2 ч., Спб., 1776.

— *Жизни и дѣянія 12 первыхъ цесарей римскихъ, съ ихъ изображеніями.* Сокращенный переводъ изъ Светонія. М., 1794. Вт. изд., М., 1796.

[85]) *Мнѣнія изъ разныхъ сочиненій Цицерона, собранныя для наставленія юношества абб. Оливетомъ.* Пер. съ франц. И. Шишкинъ. Спб., 1752; изд. вт. Спб., 1767.

— *О должностяхъ три книги.* Пер. Б. Волковъ. Спб., 1761.

— *Девнадцать отборныхъ рѣчей.* Пер. Кирьякъ Кондратовичъ. Спб., 1767.

— *Размышленія о совершенномъ добрѣ и крайнемъ злѣ.* Пер. съ лат. И. Посниковъ. Спб., 1774; изд. вт., Спб., 1793.

— *О утѣшеніи.* Спб., 1775.

— *О естествѣ боговъ три книги.* Пер. Григорій Комовъ. Спб., 1779.

— *Лелій, или о дружествѣ.* Пер. съ лат. Спб., 1781.

— *Одинадцать писемъ разнаго содержанія, а особливо утѣшительныхъ, изъ дружескихъ писемъ выбранныя.* М., 1784.

— *Цвѣтки,* собранные какъ изъ Цицерона, такъ и изъ другихъ славнѣйшихъ латинскихъ писателей. М., 1794.

— *О старости.* Курскъ, 1795.

[86]) *Тацита о положеніи и обычаяхъ народовъ древней Германіи.* Пер. съ лат. В. Свѣтовъ. Спб., 1772.

— *Жизнь Юлія Агриколы.* Пер. съ франц. И. Горинъ. М., 1795.

[87]) *Федра, августова отпущенника нравоучительныя басни,* съ Езопова образца сочиненныя. Пер. съ лат. И. Барковъ; изд. 2-е, Спб., 1787.

[88]) *Аѳинагора, аѳинскаго философа и христіанина разсужденіе о воскресеніи мертвыхъ.* Пер. съ греческаго М. Протопопова. Спб., 1791.

[89]) *Валерія Максима, Изреченій и дѣлъ достопамятныхъ девять книгъ.* Пер. съ лат. И. Алексѣевъ. 2 ч. Спб., 1772.

[90]) *Іосифа Флавія, Древности Іудейскія.* Пер. съ латинск. придворн. священникъ М. Самуйловъ, съ присовокупленіемъ его же (Флавія) *двухъ книгъ о древностяхъ іудейскихъ противъ Аппіона Грамматика* и *о Маккавеяхъ, или о владычествѣ разума;* перв. переведена съ лат. Ждановымъ, вторая — Семеновымъ. 3 ч., Спб., 1779—1783; вт. изд., Спб., 1795.

— *О воинѣ Іудейской.* Перев. съ латин. тит. сов. Михайло Алексѣевъ 2 ч., Спб., 1786—1787.

[91]) *Золотой оселъ, или превращенія, Л. Апулея, платонической секты философа.* Пер. съ лат. Е. Костровъ. 2 ч., М., 1780—1781.

[92]) *Авла Геллія, Аѳинскихъ ночей записки, съ примѣчаніями, въ 20 книгахъ.* Пер. съ лат. моск. акад. ректоръ, архим. Аѳанасій. 2 ч., М., 1787.

[93]) *Утѣшеніе философское, Боэцiя.* Пер. съ лат. іером., что нынѣ архіепископъ рязанскій, Ѳеофилактъ. Спб., 1794.

[94]) *Метаморфозы въ лицахъ, съ краткимъ изъясненіемъ.* Спб., 1721.

— *Превращенія, кн. I—II.* Пер. съ лат. Г. Козицкій. Спб., 1772.

— *Двѣ Ироиды, или два письма древнихъ Ироинь, соч. Овидіемъ Назономъ.* Съ пріобщеніемъ авторовой жизни, пер. съ лат. В. Рубанъ. Спб., 1774.

— *Превращенія, переведенныя съ россійской прозы стихами В. Майковымъ.* Перв. четыре книги. Спб., безъ означенія года (ок. 1775).

— *Элегіи.* Пер. съ франц. А. Тинкавъ. Спб., 1778.

— *Переписка учителя съ ученикомъ о лѣтнемъ посѣщеніи, 1791 года, и елегія о славѣ стихотворцевъ, изъ Овидія.* Пер. съ лат. Рубанъ. Спб., 1791.

— *Ода на осень въ стихахъ и описаніе потопа въ прозѣ, соч., а описаніе потопа переведено съ латинскаго изъ Овидія,* С. Лебедевымъ М., 1792.

— *Превращенія съ примѣчаніями и историческими объясненіями.* Пер. съ франц. прозою, К. Рембовскій. 3 ч., М., 1794.

— *Избранныя печальныя елегіи.* Смоленскъ, 1796.

— *Плачъ Овидія Назона, писанный имъ во время его изгнанія въ Тавридѣ,* перев. стихами, съ лат. подлинникомъ. М., 1797.

[95]) *Воображенія Петрарковы, или письмо его къ Лоръ.* Пер. съ франц. А. Танкавъ. Спб., 1768.

[96]) *День любовницы, гишпанская повѣсть. соч. Михайла Сервантеса Саавѣдры.* Пер. съ франц. М., 1769.

— *Исторія о славномъ рыцарѣ Ламанхскомъ Донъ Кишотѣ, соч. Серванта Саавѣдры.* Пер. съ франц. 2 ч., Спб., 1769. Др. переводъ: *Неслыханный чудодѣй* и пр. *Михайла Серванта.* Пер. съ франц. 2 ч., Спб., 1791.

— *Прекрасная цыганка Неоинна. Испан. повѣсть М. Серванта.* Пер. съ франц. Смоленскъ, 1795.

[97]) *Освобожденный Іерусалимъ, соч. итальянскаго стихотворца Тасса.* Пер. съ франц. Михайло Поповъ. 2 ч., Спб., 1772; изд. вт., М., 1787.

[98]) *Героическая поэма Неистовый Роландъ г. Аріоста.* Пер. съ франц. Молчановъ. 3 ч., М., 1791—1793.

[99]) *Сы-шу-гей, т. е. четыре книги съ толкованіями философа Конфуція* Пер. съ китайскаго и манжурскаго А. Леонтьевъ. Спб., 1780.

[100]) *Карм. Псалтирь..* М., 1762. Др. изд., въ стихахъ, Ярославль, 1785.

— *Зерцало мысленнаго съ Богомъ собесѣдованія или дерзновенныя благочестивыхъ душъ на небеса паренія.* Пер. съ лат. Н. Малининъ. М., 1783.

— *Единобесѣдованіе души съ Богомъ..* М., 1783.

— *Путь къ познанію свойствъ божескихъ и человѣческихъ...* М., 1783.

— *Ручная книжка о созерцаніи Христа..* М., 1784.

— *Святыя и душеспасительныя размышленія...* М., 1784.

— *Таинственная Богословія, въ 3 книгахъ состоящая...* Спб., 1784; вт. изд., Спб., 1795.

— *Богословскія размышленія о благодати Божіей и волѣ человѣческой.* Спб., 1786

— *Избранныя сочиненія, содержащія 20 книгъ о градѣ Божіемъ* и проч. 4 ч., М., 1786.

— *Исповѣданіе, заключающее описаніе собств. его жизни..* М., 1787.

— *О духѣ и письмѣ..* М., 1787.

— *О подвигѣ христіанина...* Спб., 1787; изд. вт., Спб., 1795.

— *Духъ, или мысли, изъ всѣхъ писаній блаж. Августина извлеченныя...* М., 1787.

— *Мѣста изъ книгъ блаж. Августина, о православной каѳолической церкви и о нерадящихъ о ней,* выбранныя купцомъ А. Сыромятниковымъ. Спб., 1795.

— *Зеркало, изъ всего св. Писанія Ветх. и Нов. Завѣта составленное..* Спб., 1787; вт. изд., Спб., 1795.

[101]) *Слово св. Амвросія, архіепископа Медіоланскаго, императору Θеодосію Великому.* Пер. съ лат. Спб., 1790.

[102]) *Анзельмовы размышленія о искупленіи рода человѣческаго.* Пер. съ лат. Бѣляевъ. М., 1783.

[103]) *О подражаніи Іисусу Христу, 4 книги, твореніе Θомы Кемпійскаго. Пер. съ латинск. Спб. 1780.* Нов. перев.—М., 1784.

— *Краткое извлеченіе лучшихъ изреченій и правилъ изъ четырехъ книгъ о подражаніи Іисусу Христу..., расположенныя на 12 мѣс. цѣлаго года.* Пер. съ нѣм. М., 1787.

— *Лекарство для болящія души, или правила, открывающія путь къ достиженію царствія небеснаго, собранныя изъ разныхъ писателей, а особливо изъ сочиненія Θомы Кемпійскаго подъ названіемъ О послѣдованіи Іисусу Христу,* Иваномъ Михайловымъ. М., 1799.

— *Творенія Θомы Кемпійскаго.* Пер. съ латинск. М., 1799.

[104]) *Наука благополучно умирать, основанная на правилахъ христіанскія жизни, соч. кардинала Беллармина.* Пер. съ лат. В. Бѣляевъ. 2 ч., М., 1783.

— *О вѣчномъ блаженствѣ святыхъ...* Пер. съ лат. 2 ч., Спб., 1784.

— *Руководство къ богопознанію по лѣствицѣ сотворенныхъ вещей...* Пер. съ лат. префектъ іером. Мельхиседекъ. М., 1783. Другой пер.: *Лѣствица умственнаго восхожденія къ Богу по степенямъ созданныхъ вещей..* Пер. съ лат. Т. Мальгинъ. Спб., 1786.

— *О воздыханіи голубицы, или разсужденіе о пользѣ человѣческихъ слезъ...* Пер. съ лат. Ириней архіеп. псковскій и рижскій. Спб., 1793.

— *О седми изреченіяхъ, на крестѣ отъ Христа провѣщанныхъ...* Пер. съ лат. Ириней, архіеп. псковскій и рижскій. Спб., 1795.

[105]) *О должностяхъ человѣка и гражданина по закону естественному.* Пер. съ лат. архим. Гавріиломъ Бужинскимъ. Спб., 1726.

— *Введеніе въ гисторію европейскую...* Пер. съ лат., повелѣніемъ Петра В., іеромон. Г. Бужинскій. Спб., 1718; изд. вт., Спб., 1723. Нов. пер. съ нѣм. Б. Волкова, съ примѣчаніями и политич. разсужденіями. 2 ч., Спб., 1767—1777.

[106]) Переводъ соч. Гроція: *О законахъ брани и мира, три книги,* сдѣланный при Петрѣ, встрѣчается въ рукописяхъ; см. о немъ у Пекарскаго, Наука и литература, I, стр. 255.

— *Разсужденіе противъ атеистовъ и неутралистовъ, соч. Гугона Гроція.* Пер. съ лат. Амвросій архіеп. московскій. М., 1765; вт. изд., М., 1781.

— *Истинное христіанское благочестіе, доказанное противъ безбожниковъ и магометанъ, соч. славнаго Гугона Гроція..* Пер. съ лат. свящ. П. Алексѣевымъ. М., 1768; изд. вт., М., 1800.

[107]) *Аргенида, повѣсть героическая, соч. Іоан. Барклая.* Съ лат. на славянороссійскій пер. В. Тредьяковскій. 2 ч., Спб., 1751.

[108]) *Житіе Канцлера Франц. Бакона и сокращеніе его философіи.* Пер. съ франц. В. Тредьяковскій. М., 1760.

[109]) *Дворянство торгующее, противоположенное дворянству военному, или два разсужденія о томъ, служитъ ли то къ благополучію государства, чтобы дворянство вступало въ купечество, съ прибавленіемъ о томъ же разсужденія г. Юстія.* Пер. съ нѣм. Д. Фонъ-Визинъ. Спб., 1766.

— *Изображеніе (существенное) естества народныхъ обществъ и всякаго рода законовъ.* Пер. съ нѣм. Волковъ. М.. 1770.

— *Основаніе силы и благосостоянія царствъ, или начертаніе всѣхъ знаній, касающихся до государственнаго благочинія...* Пер. съ нѣм. И. Богаевскій. 4 ч., Спб., 1772—1778.

[110]) *Начальныя основанія философическія о гражданинѣ, соч. Өомы Гобьезія.* Пер. съ лат. С. Веницѣевъ. Спб., 1776.

[111]) *Утопія, или картина всевозможно лучшаго правленія, соч. англинскаго канцлера Томаса Моруса.* Пер. съ франц. Спб., 1789. Друг. переводъ: *Философа Рафаила Гитлоде, странствованіе въ новомъ свѣтѣ...* Пер. съ франц. Спб., 1790.

[112]) *Псалтирь химическая, или философическія правила о камнѣ мудрыхъ. Ө. Парацельса.* Пер. съ нѣм. М., 1784.

[113]) *Еразма Ротеродамскаго, молодымъ дѣтямъ наука, какъ должно себя вести и обходиться съ другими.* Пер. съ лат., М., 1788; тоже, съ лат. подлин., М., 1788.

— *Мечь воинствующаго христіанина, соч. Э. Ротеродамскаго.* Пер. съ лат. Евдокимовъ. М., 1783. Др. пер.: *Христіанинъ воинъ Христовъ...* Пер. съ лат. М. Завьяловъ. М., 1783.—Припомнимъ также петровское изданіе— *Разговоры дружескія. Дезидеріа Ерасма...* Спб., 1716.

[114]) Ешевскій, Сочиненія, ч. II, М., 1870, стр. 368.

[115]) Гольцевъ, Законодательство и нравы въ Россіи XVIII вѣка. М., 1886, стр. 119.

[116]) Русская Старина, 1870, II, стр. 637.

[117]) Сборникъ II Отд. А. Н., т. XXXVIII, № 4. Спб., 1885, стр. 12.

[118]) ib., стр. 41.

[119]) Ib., стр. 42.

[120]) Ib., стр. 42.

[121]) Ключевскаго, Воспоминанія о Н. И. Новиковѣ и его времени. Рус. Мысль, 1895, янв., стр. 42.

[122]) Ср. Ключевскаго, Лекціи по русской ист. (литогр.), 1883—1884 гг., стр. 98—102.

[123]) Дж. Морлея, Руссо. Пер. Невѣдомскаго, М., 1881. стр. 295.

[124]) Масонство пришло къ намъ съ Запада, гдѣ имѣло довольно длинную исторію. Масонство является однимъ изъ господствующихъ теченій въ общей умственной жизни западнаго XVIII вѣка, и отчасти было реакціей тѣмъ увлеченіямъ и крайностямъ, въ которыя ударилась мысль западно-европейскаго человѣка въ теоріяхъ такихъ мыслителей, какъ Коллинзъ, Толандъ, Мандевиль, энциклопедисты и т. д. Идеи послѣднихъ, особенно ихъ крайніе выводы, очень скоро стали вызывать протестъ въ англійской литературѣ; противъ нихъ съ ожесточеніемъ возстаютъ напр. еженедѣльныя изданія Стиля и Аддисона. Противъ крайностей новыхъ ученій послѣдніе прямо требуютъ вмѣшательства государственной власти... Въ одной изъ статей *The Tatler'a* (1709) свободные мыслители называются «жалкими бѣдняками, неимѣющими ни остроумія, ни знаній, ни смысла», выставляющими свои грубыя воззрѣнія только изъ пустого честолюбія; они предполагаютъ, что ихъ надобно считать умнѣе всѣхъ другихъ людей,—потому что они думаютъ иначе, чѣмъ другіе. «Едва кто-нибудь запомнитъ нѣсколько заглавій книгъ—продолжаетъ статья—онъ тотчасъ объявляетъ себя въ религіозныхъ вещахъ за невѣрующаго; едва онъ выучивается написать рецептъ или анатомировать собаку, онъ тотчасъ ратуетъ противъ безсмертія души. Надъ такими глупцами можно смѣяться. Но когда серьезные люди употребляютъ все свое знаніе и все свое время только на то, чтобы убѣждать себя и другихъ, что люди не лучше звѣрей,—правительство должно бичевать ихъ, потому что они составляютъ позоръ всего человѣчества. При этомъ рѣшительно все равно, называетъ ли онъ себя деистомъ, атеистомъ или свободнымъ мыслителемъ»... Другая статья, помѣщенная въ журналѣ *Guardian* (1710), вооружаясь противъ одной книги Коллинза, требуетъ чтобы автору—«отказано было во всеобщихъ благодѣяніяхъ воздуха и воды»... Геттнеръ, Ист. всеобщ литературы XVIII в. Спб., 1863, стр. 181—182. На почвѣ реакціи новымъ теоріямъ стояли и идеи масонства. Въ масонствѣ—разумѣемъ періодъ начальной его исторіи, на почвѣ англійской—слилось два совершенно различныхъ элемента, обычаи и преданія средневѣковыхъ цеховыхъ ложъ и деистическія и филантропическія идеи XVIII вѣка. Практическое средневѣковое цеховое мастерство постепенно стало теоретическимъ, отвлеченнымъ

ученіемъ. «Великая ложа,» возникшая въ Лондонѣ въ 1717 году, была соединеніемъ и возстановленіемъ старыхъ, издавна существовавшихъ въ Европѣ, строительныхъ гильдій,—при чемъ узкія рамки стараго цеховаго устройства незамѣтно приняли совершенно новый смыслъ и характеръ. Ремесленный цеховой союзъ незамѣтно превратился въ союзъ человѣчества... Стариннымъ словамъ, знакамъ, формамъ дано было новое значеніе,—они были освѣщены новымъ, духовнымъ смысломъ. Цѣлью новыхъ «каменьщиковъ» стало построеніе не внѣшняго, видимаго, храма, а храма внутренняго, невидимаго. «Матеріаломъ должны служить не дерево, не камень, не мѣдь и цементы, но самая жизнь и душа человѣка... Каменьщикъ хочетъ теперь свободно, съ полнымъ сознаніемъ силы доканчивать зданіе человѣчества, и прилежнымъ и дѣятельнымъ упражненіемъ въ искусствѣ, дѣлаться болѣе и болѣе искуснымъ въ этомъ строеніи. Храмъ, который долженъ быть выстроенъ по образцу Соломонова храма, есть храмъ гуманизма, храмъ доброй и прекрасной человѣчности, которая хотя и не отвергаетъ церкви и государства, но стоитъ выше всѣхъ государственныхъ и церковныхъ ограниченій и исключительности,—храмъ самой широкой терпимости и дѣятельной любви къ человѣку»... Цехъ превратился въ религію. На почвѣ этой гуманности стоятъ самыя древнія книги новаго масонства—такъ наз. *Книга Конституцій* (1723) А н д е р с о н а († 1746) и *ритуалы*. «Конституціи» Андерсона—первая законодательная книга масонства—указываютъ непосредственную близость масонства XVIII в. съ ремесленными преданіями и обычаями средневѣковаго ц ѣ х а к а м е н ь щ и к о в ъ. Читая текстъ этихъ обязанностей, часто можно быть въ совершенномъ недоумѣніи,—говорится ли здѣсь о ремесленникахъ и ихъ мастерахъ, или о масонахъ, въ прямомъ непосредственномъ смыслѣ, или иносказательно, символически... «Памятникъ сохраняетъ всю свѣжесть новаго учрежденія. Терминологія каменьщичества, такъ очевидно искуственная въ ея дальнѣйшемъ употребленіи, здѣсь нерѣдко заставляетъ принимать ее въ буквальномъ, непосредственномъ смыслѣ». Нельзя не замѣтить также «простоту, съ которой говорится о нравственныхъ и религіозныхъ предметахъ: здѣсь нѣтъ и слѣда того аффектированнаго и притязательнаго мистицизма, который впослѣдствіи овладѣваетъ больше или меньше всѣми системами...» Старые англійскіе «ритуалы» масоновъ также не знаютъ еще никакой особой «тайны;» тайна для нихъ—«простой секретъ между членами цеха, связанными одною работою и одними нравственными правилами и обязательствами: братской любовью, помощью, вѣрностью. Символы тайны—инструменты ихъ ремесла; средства увѣряться во взаимномъ знаніи тайны—извѣстныя слова и пріемы, которые поэтому также составляютъ ихъ тайну. Д а л ь ш е э т о г о н е й д е т ъ с т а р ы й а н г л і й с к і й р и т у а л ъ; онъ не даетъ никакихъ обѣщаній раскрывать таинство природы, научать секретамъ алхиміи и химіи, философскаго камня и жизненнаго элексира, духовидѣнія и т. п.; однимъ словомъ не впадаетъ въ ту пошлость, которая наполняетъ позднѣйшіе ритуалы...» И «Конституціи» Андерсона и старые англійскіе ритуалы вообще имѣютъ очень близкое сходство, съ *Уставами нѣмецкихъ каменотесовъ въ*

Страсбургъ» (1459) и другими подобными документами каменьщиковъ XV и XVI вв.

Какъ мы уже видѣли, дѣятельная любовь къ человѣку—главная обязанность масона... Масонство главнымъ образомъ стоитъ на почвѣ деизма. «Какъ деизмъ, оно хочетъ воспитывать не столько вѣрующихъ, сколько въ особенности нравственныхъ людей».. Старыя масонскія ложи открыты были не только для христіанъ, но и для евреевъ, безъ различія... Первоначальное содержаніе англійскаго масонства однако уже очень скоро подверглось существеннымъ измѣненіямъ и на родинѣ, въ Англіи. «Ремесленные обычаи рабочей ложи при самой реформѣ 1717—1723 г. должны были получить для новыхъ масоновъ только иносказательный смыслъ,—который открывалъ полный просторъ для символическихъ толкованій»... Книга Гучинсона *Spirit of Masonry* (1775) представляетъ уже сильное развитіе такой символики, хотя эта книга была издана съ одобренія «великой ложи». Постепенно и въ самой Англіи съ почвы деистическихъ идей масонство переходитъ на почву мистики, хотя мистицизмъ въ англ. масонствѣ и не доходилъ «до нелѣпостей» континентальнаго масонства.. Самая общность, неясность теоретическаго ученія масонства давала въ этомъ отношеніи широкій просторъ всякаго рода нововведеніямъ и личнымъ вкусамъ. Масонство постоянно говорило о «тайнѣ», о различныхъ «степеняхъ» («градусахъ») познанія этой тайны... Эта «тайна»,—«первоначально символическая тайна средневѣкового цеха,—при новой формѣ масонства легко превращалась въ тайну нравственнаго знанія, которой именно и данъ былъ смыслъ тайнаго ученія, будто-бы переходившаго съ древнѣйшихъ временъ отъ одного поколѣнія избранныхъ къ другому. Тайна масоновъ принадлежала только избраннымъ, и во всей сущности своей доставалась немногимъ. Понятно, что начавъ съ этого, можно было эксплуатировать «тайну» въ какомъ угодно смыслѣ. Разъ убѣжденный масонъ уже тѣмъ самымъ становился искателемъ этой тайны и людямъ, которые находили въ себѣ достаточно изобрѣтательности и знанія масонскихъ пріемовъ, не трудно было сочинять новые «градусы», сверхъ трехъ общепринятыхъ. Большинство «членовъ» ордена было изъ людей, не привыкшихъ къ послѣдовательному разсужденію, и когда въ нихъ укоренилось понятіе, что глубочайшая тайная истина можетъ быть получена посредствомъ «посвященія» (понятіе чрезвычайно сродное съ отвычкой отъ самостоятельной мысли), то набрать себѣ всевозможныхъ «градусовъ» становилось для нихъ самымъ естественнымъ стремленіемъ...» Новые «градусы» появляются уже съ 1740 года. Въ орденъ очень скоро начинаютъ проникать самыя противорѣчивыя направленія, совершенно чуждыя первоначальной сущности ордена, и представители этихъ направленій ловко начинаютъ, пользоваться выгодами его внутренняго устройства и замкнутой формы для своихъ эгоистическихъ цѣлей; особенно роковымъ для ордена было внесеніе въ него различныхъ политическихъ идей,—быстро сведшихъ тайныя масонскія общества на почву политичес-

кихъ интригъ. За политиканами скоро проникаютъ въ орденъ фокусники и алхимики. Возникаетъ самая пестрая смѣсь самыхъ различныхъ системъ, идей, воззрѣній, стремленій. Постепенно масонство превращается въ форму міровоззрѣнія, въ которую могло вкладываться весьма различное содержаніе,—смотря по условіямъ и свойствамъ того общества, гдѣ появлялось масонство... «Идеальныя стремленія» быстро уступили передъ «ограниченностью и грязью жизни...» Въ континентальномъ масонствѣ скоро, уже со второй пол. XVIII в., «находятъ себѣ пріютъ всевозможное мистическое шарлатанство, наглый обманъ и крайній обскурантизмъ»... Рано проникло въ орденъ очень не мало людей, совершенно пустыхъ и ничтожныхъ, которые искали въ немъ просто только развлеченій... Помимо интригъ собственно политическихъ, особенно много вредили масонству интриги, вносившіяся іезуитами,—наконецъ, простой обманъ. «Подъ фирмой масонства стали совершаться шарлатанства неслыханныхъ дотолѣ размѣровъ; орденъ становился гнѣздомъ самаго наглаго обмана и пошлаго невѣжества. Въ немъ пропадали послѣднія искры прежняго нравственно-просвѣтительнаго характера, и онъ все больше становился на дорогу мистическаго фанатизма, злобной вражды къ просвѣщенію и эксплуатаціи невѣжества и дурныхъ страстей»... Геттнеръ, Ист. всеобщ. Лит. XVIII в., I, 1863, стр. 187. 189.190. 195. 201. 202. 203. Пыпинъ, Русское масонство до Новикова. Вѣст. Евр., 1868, іюнь, стр. 558. 560. іюль, стр. 173. 187—188. 199. Его же, Русское масонство въ XVIII в. Вѣстн. Ев., 1867, стр. 78, 80 81, 82.

Подобную же характеристику даетъ Шлоссеръ: «Обрядъ принятія въ члены, съ *клятвами и торжественностью*, замѣчаетъ онъ повышеніе изъ степени въ степень, подчиненіе однихъ другимъ,—все это привлекало въ орденъ членовъ; символы и іероглифы возбуждали въ простякахъ и глупцахъ надежду получить за свои деньги знаніе важныхъ тайнъ; ловкіе люди, славолюбцы и авантюристы искали и находили въ орденѣ покровителей, протекцію, рекомендацію, свѣтскія удовольствія, пріятность которыхъ усиливалась замкнутостью для непосвященныхъ. Скептикъ могъ говорить въ ложахъ свободнѣе, чѣмъ въ простомъ свѣтскомъ обществѣ, гдѣ слѣдила за нимъ государственная и церковная полиція. Люди, хотѣвшіе пользоваться орденомъ для своихъ выгодъ, завлекали своихъ масонскихъ братьевъ, придумывая формы «строгаго» и «слабаго наблюденія», циннендорфства и розенкрейцерства, мартинизма, тампліерства, и т. д. Принцы, графы, бароны, праздношататели и богачи искали въ тайныхъ обществахъ «философскаго камня» и пріобрѣтаемой безъ труда мудрости.. Обманщики стали пользоваться ложами и тайнами масоновъ еще въ 1760—1770 годахъ...» Шлоссеръ, Ист. XVIII столѣтія, т. III, стр. Пыпинъ—Вѣст. Ев., 1867, III. стр. 83—84. «Нѣтъ сомнѣнія, что въ цѣломъ масонство играетъ весьма сомнительную роль въ общественномъ развитіи», заключаетъ Пыпинъ...

Пекарскій, въ своихъ «Дополненіяхъ» къ исторіи русскаго масонства XVIII в., между прочимъ приводитъ выдержки изъ одного *нѣмецкаго дневника* неизвѣстнаго автора, принадлежавшаго къ московскому кружку масоновъ. «При чтеніи нынѣ этого дневника, замѣчаетъ изслѣдователь, невоз-

можно не удивляться наивности, что-бы не сказать болѣе, съ какою вѣрили розенкрейцеры самымъ несбыточнымъ разсказамъ, напр. о явленіи духовъ, о дѣланіи золота и т. п. Между тѣмъ изъ нѣкоторыхъ мѣстъ дневника ясно, что авторъ его имѣлъ нѣкоторое значеніе между московскими розенкрейцерами»... Прибавимъ отъ себя, что при чтеніи этого дневника нельзя не удивляться также и тому,—какъ неизмѣримо далеко стоитъ его авторъ, по идеямъ и воззрѣніямъ, отъ того міра идей, на почвѣ которыхъ стояло первичное англійское масонство... Приводимъ образчики изъ «Дневника»; къ сказанному выше они могутъ послужить недурной иллюстраціей:

«9 ноября, утромъ у Вельнера (Вельнеръ былъ однимъ изъ главнѣйшихъ дѣятелей берлинскихъ розенкрейцеровъ,—приводимъ въ скобкахъ примѣчанія Пекарскаго касательно упоминаемыхъ въ «Дневникѣ» лицъ) передалъ прошеніе, присягу, писанную моею кровью и исповѣдь мою»...

«10 ноября, у Вельнера. Принесъ ему рецептъ золота Френкеля, (Френкель московскій врачъ, розенкрейцеръ,) завѣдывавшій аптекою московскихъ масоновъ), — но тамъ было столько же, сколько въ Annulus Platonis...»

«Гимменъ (прусскій юстицъ-ратъ, перешедшій изъ тампліеровъ въ розенкрейцеры) навѣрное будетъ отлученъ отъ ордена... Онъ въ первыя двѣ недѣли хотѣлъ тотчасъ же дѣлать золото. Я не долженъ имѣть съ нимъ сношеній — онъ надѣлалъ скверныя вещи»...

«11 ноября. «Magus magorum (высшая степень въ розенкрейцерствѣ была magus, въ ней считалось только 7 членовъ, и первый изъ нихъ назывался magus magorum) видитъ Христа, какъ я его. Въ Апокалипсисѣ есть мѣсто: я хочу придти къ тебѣ, но духъ страны противодѣйствуетъ мнѣ. Такъ теперь противодѣйствуетъ дьяволъ всѣмъ розенкрейцерамъ въ Россіи, чтобы въ царствѣ тьмы удержать тьму»...

«26 ноября вечеромъ въ домѣ ложи. Знаменательный вечеръ. Бишофсвердеръ (сторонникъ вызывателя духовъ Шрепфера и руководитель принца Фридриха Вильгельма, будущаго короля, къ изученію высшей мудрости масоновъ) присутствовалъ, когда Шрепферъ (Gchrepfer — славился своими вызываніями духовъ, и кончилъ самоубійствомъ) былъ побѣжденъ однимъ злымъ духомъ и умерщвленъ. Онъ самъ, будучи сильнымъ какомагомъ, принялъ для того нѣкоего Франкенберга. Онъ описывалъ, что воздушные духи, которые ему спеціально извѣстны, имѣютъ человѣческое лицо, только гораздо яснѣе и свѣтлѣе. Однажды Фрелихъ помощникъ и ученикъ сейчасъ упомянутаго вызывателя духовъ, Шрепфера), въ присутствіи Бишофсвердера, не могъ побѣдить, духа, тогда явилось облако передъ зеркаломъ и потомъ двѣ черныя пирамиды, которыя такъ сжали его между столомъ, что онъ день спустя харкалъ кровью... Фрелихъ сказывалъ, что его духъ защитникъ очень силенъ, что онъ не можетъ его пересилить»... Подъ тѣмъ же числомъ:

«Восьмая степень будетъ первою ступенью магіи, тамъ мы научимся познавать священный огонь и будемъ въ состояніи его осязать нашими руками»...

«Вельнеръ сказывалъ мнѣ, что народъ даже въ Берлинѣ еще вѣритъ, что ежегодно въ Ивановъ день дьяволъ достаетъ себѣ жаркое отъ масоновъ и что всѣ ихъ добрыя дѣла суть только навожденіе»..

«Теденъ (генералъ-хирургъ прусской арміи, одинъ изъ значительнѣйшихъ розенкрейцеровъ въ Берлинѣ) далъ мнѣ пробу золота, которая начала разлагаться»...

«Въ процессѣ клерикаловъ (добыванія золота) не употребляется огня. Вещество собирается передъ восходомъ солнца, и должно быть крѣпко закупорено въ сосудѣ прежде, чѣмъ взойдетъ солнце; потомъ оставляется 40 дней и ночей во впадинѣ скалы, вынимается оттуда; свѣтло голубая вода отдѣляется отъ земли и всегда наполняетъ ее. Такая работа повторяется до шести разъ. чтобы чрезъ то произвести изобиліе золота»...

«Одинъ старикъ показалъ отцу моему цѣлую систему міра въ стаканѣ на тарелкѣ съ камнемъ»...

«Въ Россіи ежедневно происходятъ удивительныя вещи изъ міра духовнаго,—о чемъ Сацердосъ («Подъ именемъ Sacerdos, замѣчаетъ Пекарскій, у розенкрейцеровъ былъ извѣстенъ Шредеръ, авантюристъ, заступившій, послѣ смерти Шварца, мѣста его въ московскомъ розенкрейцерскомъ округѣ...») переслалъ множество особливыхъ исторій»...

«Шрепферъ призывалъ облака и заставлялъ молнію ударять въ дерево. Онъ доказалъ одному посредствомъ дьявола, что Іисусъ Сынъ Бога, котораго господство они ощущаютъ. Шрепферъ допускалъ не всѣхъ людей и сперва угощалъ пуншемъ... Послѣ его смерти оказалось на немъ долгу въ одной аптекѣ до 100 рейхсталеровъ за фосфоръ... Въ Вѣнѣ происходятъ ужасныя вещи подъ покровомъ масонства»...

«21 марта. Сегодня утромъ мнѣ пускали кровь изъ жилы, чтобы подписаться въ розенкрейцерскій орденъ»...

«4 февраля 1787 года ночью въ Москвѣ, послѣ испытаннаго передъ тѣмъ огорченія и двухъ выпитыхъ порцій кофе, поднялся передо мною въ трехъ шагахъ очень темный, красноватый квадратъ, величиною въ талеръ. Лучи отъ него были матовые и свѣтло-желтые. Онъ началъ подниматься и пропалъ...» Пекарскій, Дополненія къ исторіи масонства въ Россіи въ XVIII ст. Сборникъ II отд. И. Ак. Н., т. VII, № 4. Спб, 1869. стр. 76—91.

Въ *Комментаріяхъ о разныхъ орденскихъ истинахъ для употребленія достойныхъ братьевъ округа директоровъ офиронской оберъ-гауптъ директоріи. 1781 года* (офирономъ назывался упоминавшійся выше въ Дневникѣ Вельнеръ) объ испытаніяхъ орденомъ «натуры» между прочимъ замѣчается:

«Наши мудрые мастера суть одни законные натуры испытатели; они одни могутъ съ безпрекословною истиною утверждать, что

они знаютъ натуру въ цѣломъ ея округѣ (пространствѣ), понеже наука ихъ вникаетъ (сильно входитъ) во внутреннѣйшая ея... Напротивъ профанскіе физики, такъ называемые натуры испытатели и натуры учители кругомъ скачутъ (sic) всегда на поверхности всѣхъ трехъ натуры царствъ, осязаютъ своими руками и всѣми пятью чувствами произведенія и явленія ея и воображаютъ себѣ, что могутъ оныя изъяснить. И для того копятъ гипотезы на гипотезы»... Источникомъ для пріобрѣтенія всяческихъ знаній указывается между прочимъ — изучать «классическую книгу» Annulus Platonis, «нашего въ Богѣ почивающаго брата Гомера»(!!.) Для полученія «таинственнаго ключа къ сокровищамъ натуры», необходимо сдѣлать руки къ тому способными. «Къ сему служитъ намъ химія. Всякъ знаетъ, что̀ подъ симъ словомъ разумѣется, слѣдовательно мы можемъ оставить изъясненія онаго. Только замѣтимъ мы то, что между извѣстною простою химіею и между вышнею химіею ордена есть неизреченная разность. Оная есть младенецъ, а сія есть исполинъ; что̀ химіи ордена возможно, то простой (общей) химіи остается вѣчно невозможнымъ» и т. д. и т. д. Пекарскаго, Дополненія и пр., стр. 68—69.

[125]) Различные обряды пріемовъ въ ту или другую степень масонства см. у Пыпина, Русское масонство до Новикова. Вѣстн. Евр., 1868, IV, стр. 168—199; Пекарскаго, Дополненія и пр. Сборникъ II отд. Ак. Н., VII, № 4. Спб., 1869, стр. 38—46. 46—50.

[126]) Въ масонской литературѣ XVIII вѣка значительную роль играла книга *Масонъ безъ маски*, рано переведенная и на русскій языкъ (Спб., 1784); между прочимъ въ ней описывается засѣданіе масонской т. наз. столовой ложи,—масонскаго пиршества. Описаніе типично рисуетъ характеръ самаго масонства. Вѣчное стремленіе къ таинственности, чему-то необыкновенному,—стремленіе изъ самыхъ простыхъ вещей дѣлать что-то особенное, выходящее изъ ряда, проявляется здѣсь наглядно. Самыя обыкновенныя вещи, необходимые предметы пира, преобразовываются: стаканъ напр. именуется «пушкой», бутылка—«боченкомъ», вино—«краснымъ порохомъ», вода—«бѣлымъ порохомъ», налить въ стаканъ вина значитъ «зарядить пушку», выпить—«сдѣлать выстрѣлъ», и т. д. По основному обычаю масоновъ, всѣ участвующіе въ пирѣ именуютъ другъ друга «братьями»,—каждый «братъ» имѣетъ передъ собою на столѣ «боченокъ съ краснымъ порохомъ», и самъ «заряжаетъ свою пушку»... Въ промежутки читается масонскій катехизисъ. Самое выпиваніе совершается такъ: «венерабль» (предсѣдатель) спрашиваетъ у «сюрвельяна» (надзирателя), «у всѣхъ ли братьевъ заряжены пушки»,—и получивши удовлетворительный отвѣтъ, произноситъ команду: «Феры мои! за здравье такого-то... Правую руку къ пушкѣ,—подвинь пушку,—прикладывайся,—пали!... Хорошо пали, — разомъ, феры!».. «Выпаливъ изъ пушекъ», т. е. выпивши, «держали оныя у рта и смотрѣли на венерабеля, который сказалъ: «смотрите на флигельмана; покажите

пушки»... «Пушки показали, представляя треугольники, которыхъ основаніе грудь, а два бока, проведенные отъ обоихъ плечъ, сходилися въ уголъ, которой каждая рюмка составляла»... Потомъ каждый братъ, по приказанію председательствующаго, «твердо ставитъ свою пушку на столъ»,—и всѣ вдругъ «трижды по трижды» ударяютъ въ ладоши, и сжавши середніе персты руки съ большими, всѣ начинаютъ такъ крѣпко кричать горломъ, сколько можно болѣе, «гузе, гузе, гузе»... «Заряжаніе пушекъ» происходитъ въ теченіе пира неоднократно,—«и сіи генеральные заряды, прибавляется въ описаніи, не препятствовали тѣмъ, кои кто чинилъ за свои собственныя выгоды», т. е. «выстрѣлы» могли происходить и частнымъ образомъ, сепаратно...—И все это и предписывалось и совершалось самымъ серьезнымъ образомъ, по крайней мѣрѣ, не менѣе серьезно, какъ излагались наставленія къ отыскиванію «элексира» и «философскаго камня»... «Масонъ безъ маски», Спб., 1784, стр. 49. 50. 51.

Было бы совершенно ошибочно считать книгу «Масонъ безъ маски» чѣмъ-либо въ родѣ ироніи или каррикатуры. «Сочиненіе должно быть признано правдивымъ,—сообщаемое имъ подтверждается обнародованными уже въ настоящее время масонскими документами»... См. Пыпина, Русское масонство въ XVIII в. В. Евр., 1867, т. IV, стр. 16—17. Его же, Рус. масонство до Новикова. В. Евр., 1868, IV, стр. 179—180. Незеленовъ, Литературныя направленія въ Екатерининскую эпоху. Спб., 1889, стр. 152. Излагая ритуалы масонскихъ ложъ, Пыпинъ неоднократно ссылается на эту книгу (см. В. Евр., 1868, IV, стр. 179—180. 183. 185. 192. 209—210). Въ частности объ обрядѣ «заряжанія пушекъ», «выстрѣлахъ» и т. п. см. Пекарскаго, Дополненія и пр., стр. 65; также Allgemeines Handbuch der Freimaurerei, Leipzig, 1863. III, 357, и т. д. и т. д.

127) Л. Н. Трефолева, Предсмертное завѣщаніе русскаго атеиста. т. XI, стр. 224—226

128) Смирнова, Ист. Моск. Слав.-греко-лат. Академіи, М., 1855, стр. 80.

129) П. В. Знаменскаго, Духовныя школы въ Россіи до реформы 1808 года. Казань, 1881, стр. 21—42.

130) Соколовскаго, Петръ В., какъ воспитатель и учитель народа. Казань, 1873, стр. 70—112.

132) Пекарскаго, Ист. Имп. Ак. Наукъ, I, стр. XVIII—XX.

133) Веселаго, Очеркъ ист. морского кадетскаго корпуса. Спб., 1852.

134) Сборникъ II Отд. Ак. Н., т. XXXVIII, № 4, стр. 57.

135) Любопытна приписка, сдѣланная къ этому пункту Петромъ Великимъ: «Надлежитъ по два человѣка еще прибавить, которые изъ славянскаго народа, дабы могли удобнѣе русскихъ учить»... Пекарскаго, Ист. Ак. Н., т. I, стр. XXX—XXXI.

136) Пекарскій, ib., стр. XXXII.

137) П. В. Знаменскаго, Духовныя школы въ Россіи до реформы 1808 года. Казань, 1881, стр. 102—104. 105. 107. 112—114.

138) Сборникъ II Отд. А. Н., т. XXXVIII, № 4: Гр. Д. А. Толстаго, Взглядъ на учебную часть въ Россіи въ XVIII ст. до 1782 года. Спб., 1885. стр. 28—38.

139) ib., стр. 13.

140) ib., стр. 43.

141) ib, стр. 7—8.

142) ib., стр. 8—11.

143) ib., стр. 43—47.

144) ib., стр. 48.

145) ib., стр. 48—56.

146) ib., стр. 57. 60.

147) ib., стр. 62.

147а) Гр. Д. А. Толстого, Городскія училища въ царствованіе Императрицы Екатерины II. Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, т. XLI, № 2. Спб., 1886. стр. 2—3.

147б) ib., стр. 3.

147в) О самой системѣ и оцѣнку ея см. Гр. Толстого, Городскія училища и пр., стр. 13—33.

148) Сухомлиновъ, Ист. Рос. Акад., IV, стр. 243.

[149]) Гр. Д. А. Толстаго, Академическій университетъ въ XVIII столѣтіи. Сборникъ II Отд. Ак. Н., т. XXXVIII, № 6. Спб., 1885, стр. 62.

[150]) К. И. Арсеньева, Историко-статистическій очеркъ народной образованности въ Россіи. Учен. Зап. II Отд. И. Ак. Наукъ, кн. I. Спб., 1854, стр. 25—26.

[151]) Важнѣйшими были Миллера, «О преп. Несторѣ, «О началѣ и происхожденіи казаковъ», «О запорожскихъ казакахъ», «Опытъ новѣйшей исторіи о Россіи», «Краткое извѣстіе о началѣ Новгорода», «О новгородскихъ князьяхъ и о знатнѣйшихъ онаго города случаяхъ», нѣкоторыя главы «Сибирской исторіи» и др.,—Тредьяковскаго, «О древнемъ, среднемъ и новомъ стихотвореніи россійскомъ»,—Рычкова, «Оренбургская исторія»,— Татищева, «Краткая роспись россійскимъ князьямъ отъ Рюрика до нашествія татаръ», и т. д.

[151а]) См. статью Милюкова: Очерки русской журналистики, преимущественно старой. *«Ежемѣсячныя Сочиненія»*. Современникъ, 1851, № 1—3, стр. 1—52; 151—182; 1—48.

[151б]) Въ первый же годъ онъ разошелся въ количествѣ 600—790 экземпл.; въ такомъ же количествѣ расходился и послѣ,—печатался же въ количествѣ 1200 экз. (лишь въ первый годъ было напеч. 2000 экз.).

[152]) Пекарскаго, Редакторъ, сотрудники и цензура въ русскомъ журналѣ 1755—1764 годовъ. Приложеніе къ XII-му т. Зап. И. Ак. Н., № 5. Спб., 1867. стр. 12.

[153]) Л. Н. Майкова, Очерки изъ исторіи русской литературы XVII и XVIII ст. Спб., 1889, стр. 394.

[154]) Л. Н. Майкова, Очерки изъ ист. рус. литературы XVII и XVIII ст., стр. 403—407.

[155]) Л. Н. Майковъ, Очерки и пр., стр. 412.

[156]) См. А. Н. Неустроева, Историческое розысканіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ за 1703—1802 гг., библіографически и въ хронологическомъ порядкѣ описанныхъ. М., 1875, и чрезвычайно богатую фактами, написанную по поводу названнаго «Розысканія», статью Л. Н. Майкова: Нѣсколько данныхъ для исторіи русской журналистики. Очерки и пр., Спб., 1889, стр. 369—424.

[156а]) Гольцевъ, Законодательство и нравы въ Россіи XVIII вѣка. М., 1886, стр. 139—140.

[157]) Ключевскій, Воспоминанія о Н. И. Новиковѣ и его времени. Рус. Мысль, 1895, янв., стр. 53.

[158]) Сочиненія, письма и избранные переводы Д. И. Фонвизина, Спб., 1866. стр. 209.

[159]) Гольцевъ, Законодательство и нравы, 115.

[160]) Гольцевъ, ib., 115.

[161]) Ключевскій, Воспоминанія о Н. И. Новиковѣ и пр. Рус. Мысль, 1895, янв., стр. 51.

[162]) Ключевскій, ib., 51.

[163]) Гольцевъ, Законодатсльство и нравы. стр. 8.

[165]) Ив. Иванова, Политическая роль французскаго театра въ связи съ философіей XVIII-го вѣка. М., 1895, стр. 142.

[166]) Иванова, ib., стр. 154.

[167]) Иванова, ib., стр. 140—141.

[168]) Иванова, ib., стр. 148—149.

[169]) Иванова, ib., стр. 146.

[170]) Языковъ, Недоросль на сценѣ и въ литературѣ. Историч. Вѣстн.. 1882, X, стр. 139—147.

[171]) Сборникъ Русскаго Историческаго Общества, т. IV. Спб., 1869, стр. 169.
